

СЕРГЕЙ ЦВЕТКОВ



КНЯЗЬ ВЛАДИМИР— СОЗДАТЕЛЬ ЕДИНОЙ РУСИ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЭПОХЕ



16+

Сергей Цветков

**Князь Владимир –
создатель единой Руси**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Цветков С. Э.

Князь Владимир – создатель единой Руси / С. Э. Цветков —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Книга известного историка С. Цветкова посвящена одному из самых драматических периодов древней русской истории — эпохе княжения Владимира Святославича, крестителя Руси. Это время, когда в кровавых династических распрях и бесконечных ратях с воинственными соседями рождалось единое русское государство, сразу занявшее место в ряду сильнейших европейских и мировых держав. Личность князя Владимира и его эпоха до сих пор вызывают споры и неоднозначные оценки. В книге представлены главные исторические деятели (князь Владимир, его братья Ярополк и Олег, воеводы Добрыня и Свенгельд, первая жена Владимира в его языческих браках Рогнеда и единственная христианская супруга принцесса Анна, император Василий II и др.), характерные детали, а также основные события той судьбоносной для России эпохи — распря Святославичей, крещение Руси, набеги печенегов на Русь и т. д. Книга адресована широкому кругу любителей русской истории.

Содержание

Часть первая	5
Владимир (в крещении Василий)	5
Ярополк	14
«Грекия»	17
Олег	19
Добрыня	21
Свенгельд	24
Рогволод	28
Рогнеда	30
Блуд	32
Варяжко	34
Федор и Иоанн (варяги-мученики)	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Цветков

Князь Владимир – создатель единой Руси

Часть первая Портреты на фоне эпохи

Владимир (в крещении Василий)

(?-1015)

Князь новгородский, великий князь киевский, креститель Руси.

Владимир был сыном князя Святослава Игоревича (ок. 942–971). Год его рождения неизвестен. «Летописец Переяславля Суздальского» (XIII в.) сообщает, что на момент кончины князю Владимиру было 73 года. Однако на это известие полагаться трудно ввиду сбивчивости хронологии «Летописца», где смерть Владимира датирована 1035 г. вместо правильного – 1015-го. То, что Владимир умер далеко не в старческих летах косвенно подтверждается показанием современника, епископа Бруно, о том, что за семь лет до кончины он легкостью передвигался верхом на большие расстояния.

Матерью Владимира была Малуша, дочь некоего Малка Любечанина. Как считается, этот человек скорее мог быть выходцем из города Любеча, находившегося в земле поморских славян (современный Любек в Германии), нежели из одноименного города близ впадения Десны в Днепр, который, по данным археологических раскопок, в то время был ничем не примечателен. «Повесть временных лет» называет Малушу служанкой при Ольгином дворе – «милостницей» (низший слой зависимых, служилых людей), а согласно Никоновской летописи, – она была княжьей ключницей. Конечно, Ольге не могла понравиться связь ее сына с «рабыней» (рабами в древней Руси называли всех тех, кто «работал», то есть служил господину; для рабов в собственном смысле слова существовал специальный термин «челядь»). Ольга прогневалась на Малушу и отослала ее, уже носящую под сердцем того, кому предстояло стать крестителем Руси и Красным Солнышком, со «двора теремного» в одно из своих сел. Согласно позднему преданию, Владимир родился в селе Будутино под Псковом.

Несмотря на то, что мать его была наложницей, Владимир считался полноправным членом великокняжеского рода, поэтому получил при рождении «княжеское», двухсоставное имя. В то время оно было распространено главным образом у южных славян – болгар и сербов, чьим языкам свойственно краткогласие. Имя «Владимир» распадается на два корня славянского происхождения: «влад» и «мир» («міръ»). Таким образом, Владимир в древнерусском осмыслении означает «владеющий миром», в смысле «покоем» (эта этимология удостоверена сообщением немецкого современника князя Владимира, хрониста Титамара Мерзебургского). Позднее в северорусских говорах появилась другая устойчивая форма имени, с безударной «ять», которая могла произноситься, как «е» – Володимѣрь (Володимер).

Сразу после рождения Владимир был взят к Ольгиному двору и воспитывался вместе с двумя своими сводными братьями – Ярополком и Олегом, которые были рождены Святославом в «законных» браках. Святослав был многоженец, как то допускал языческий обычай. Из его жен известна только венгерская княжна, о которой говорится в утраченных летописях, использованных В. Н. Татищевым.

У Святослава не было возможности заниматься воспитанием малолетних сыновей, так как почти вся его жизнь прошла в походах. Влияние княгини Ольги – первой христианки на киевском престоле – на духовное развитие внуков должно было быть очень сильным. Но после ее смерти в 969 г. христианское воспитание Ярополка, Олега и Владимира резко оборвалось. Ненависть к христианству Святослава, воинствующего язычника, была так сильна, что он не остановился даже перед казнью своего брата-христианина Глеба (о котором известно по утраченной летописи Татищева) и намеревался по возвращении из Болгарского похода разрушить все церкви в Киеве. Конечно, он не стал церемониться и с сыновьями, заставив их вернуться к языческому культу.

В 970 г., незадолго до своей смерти, Святослав разделил Русскую землю между наследниками: Ярополк получил Киев, Олег – Древлянскую землю, а Владимир – Новгород, куда он отправился вместе со своим дядей (по матери) Добрыней.

Спустя два года Святослав погиб, и сыновья его вступили в междоусобную распрю за власть. Первым погиб младший Святославич – Олег. Владимир, набрав «за морем» отряд «варягов», разорил Полоцк, склонявшийся к союзу с киевским князем Ярополком, и двинулся на Киев. Его поход победоносно завершился 11 июня 978 г. В этот день Ярополк, вызванный на мирные переговоры, был предательски убит двумя варягами.

Во всей древнерусской литературе мы не найдем ни одного упрека Владимиру за убийство брата. И это неудивительно. Тот или иной исход вооруженной борьбы в представлении людей того времени, как христиан, так и язычников, являлся непрерываемым свидетельством свершения небесного правосудия, Божьего суда. Поражение доказывало неужодность побежденного Богу (или богам), победа была видимым знаком торжества справедливости и позволяла победителю законным образом присвоить власть и имущество поверженного врага. Поэтому, лишившись Ярополка, киевляне безропотно признали право Владимира на «отчий стол». Далеки тогда еще были от сердец русских людей слова: «Не в силе Бог, а в правде».

Владимир первым из русских князей объединил в одну страну Киев и Новгород¹, русский Юг и Север. С этого времени власть великокняжеской династии распространилась на все восточнославянские племена.

Став «самовластным» правителем Русской земли, Владимир постарался единство политическое подкрепить единством веры. С этой целью он приказал вынести языческих идолов, которым поклонялась его варяго-русская дружина, с княжьего двора и поставить их в городе, на холме, для всеобщего поклонения. Тем самым Владимир намеревался стереть все видимые различия между завоевателями и завоеванными, превратив их в *соотечественников*, спаянных общими интересами и нуждами. Культовые действия сопровождались человеческими жертвоприношениями, и не раз, сетует летописец, обагралась Русская земля невинной кровью.

Не довольствуясь этим, Владимир обрушил гонения на киевских христиан, которые пока что олицетворяли в его глазах угрозу для власти. Как свидетельствует одно из его житий, в то время христиане, просвещенные святой Ольгой, боясь преследований, втайне хранили святую веру, иные же бежали, третьи обратились «на прежнее нечестие» (вернулись к исполнению языческих обрядов); волхвы, с ведома или по прямому приказу князя, разоряли христианские церкви. Это известие подкрепляется археологически. При раскопках 1975 г. неподалеку от Десятинной церкви были обнаружены остатки языческого святилища. В его фундаментных ямах найдены обломки плинфы и штукатурки со следами фресковой живописи. Это значит, что строительство святилища скорее всего сопровождалось разрушением стоявшей на его месте каменной церкви.

¹ Летописные известия о вхождении Новгорода в состав держав Олега и Игоря носят легендарный характер. Древнейшие городские слои Новгорода датируются лишь 955 г., а в договорах Руси с греками 911 и 944 гг. нет упоминания Новгорода в числе русских городов – субъектов договора.

В своей личной жизни Владимир тоже соблюдал языческий обычай, предписывавший князю иметь много жен. Многоженство было важным институтом языческого общества. Языческая мистика видела прямую зависимость между количеством женщин вождя и благоденством племени, народа, страны. Во внешнеполитической сфере многоженство (через династические браки) способствовало закреплению союзных отношений с соседними народами, а в многоплеменном государстве – еще и обеспечивало внутреннее единство, собирая в гареме верховного вождя дочерей племенных и родовых старейшин. Таким образом, само положение языческого владыки обязывало его иметь жен и наложниц, и притом как можно больше, ибо это умножало его могущество в глазах сородичей и соседей и давало обществу уверенность в благотворности его правления.

Первой супругой Владимира стала полоцкая княжна Рогнеда. Но, отличаясь неумным сладострастием, позднее он значительно расширил свой гарем. Среди его «законных» жен летописи называют «грекиню» (вдову Ярополка), двух «чехинь» и «болгарыню». Число же наложниц Владимира и вовсе будто бы исчислялось сотнями: «300 в Вышгороде, да 300 в Белгороде, да 200 в сельце Берестовом». Но здесь летописец явно преувеличивает, равняя Владимира с библейским царем Соломоном, известным женолюбом. Реальные данные о гаремах языческих владык Восточной Европы выглядят скромнее. Арабские писатели сообщают, что во дворце хазарского кагана было 25 жен – по числу подвластных хазарам народов. По сведениям западноевропейских путешественников, в начале XIII века князь Тмуторокани имел 100 жен.

Вместе с тем Владимир был храбрым и удачливым полководцем. Предводительствуемые им русские дружины не раз отличались на поле брани. Он предпринял несколько победоносных военных походов: отвоевал захваченную Польшей Галицию (Червонную Русь), смирил отколовшихся во время княжеской междоусобицы вятичей и радимичей, победил волжских булгар, нанес смертельный удар Хазарскому каганату, чье могущество было сломлено еще во времена княжения Святослава. Восстановленное единство Руси обеспечило успех военным предприятиям Владимира. «И побеждал всех врагов своих, и боялись его все соседи. Против кого он выступал войной, всех одолевал», – пишет Иаков Мних.

«И единодержец был земли своей, покорив под себя окружные страны, одних миром, а непокорных мечем», – такими словами подводит итог дохристианского правления Владимира митрополит Иларион.

Государственное величие Русской земли, опиравшееся на материально-духовные возможности языческого общества, достигло своего предела. Дальнейшее развитие ее государственного суверенитета было невозможно без коренного преобразования религиозно-политических основ княжеской власти.

С годами Владимир все отчетливее сознавал историческую обреченность язычества. На вершине могущества и славы князя постиг духовный кризис, вызванный внезапным осознанием греховности всей прежней жизни и неудовлетворенностью старыми языческими верованиями. Позолоченные и посеребренные идола, воздвигнутые на берегах Днепра, и приносимые им тучные жертвы – все это, как чувствовал Владимир, не доставляло покоя душе, отягченной братоубийством и обильным пролитием крови. Не прошли даром и уроки княгини Ольги. Древнерусские писатели первой половины XI в. (Иаков Мних, митрополит Иларион) свидетельствуют, что князь Владимир принял решение креститься под влиянием примера его святой бабки. А преподобный Нестор («Чтение о житии Бориса и Глеба») добавляет, что князю Владимиру было некое «видение Божие», непосредственно побудившее его к обращению. Мы знаем также, что Владимир был особенно заворужен картиной Страшного суда – именно этим устрашающим зрелищем открывается его «Церковный устав».

Однако крещение главы государства в те времена было еще и важным политическим актом. Поэтому Владимир сделал все для того, чтобы его личный религиозный выбор возвысил Русскую землю и великокняжескую власть.

Смегодня мы знаем, что знаменитый летописно-житийный рассказ «о выборе вер» князем Владимиром – всего лишь поздняя легенда, известная многим народом, в частности, иудеям и мусульманам. Реальность была совершенно другой.

В 987 г. в Византийской империи полыхала гражданская война. Удачливый полководец Варда Фока решил завладеть императорским престолом. Встав во главе большого войска, он осадил Константинополь, за стенами которого укрылся законные василевсы – Василий II и его соправитель Константин VIII. Не имея достаточных сил, для того чтобы подавить мятеж, Василий II обратился за помощью к князю Владимиру. Император просил поскорее прислать отряд русских воинов, которые славились как отменные бойцы.

Владимир не отказал в просьбе, но взамен потребовал отдать ему в жены сестру императора – царевну Анну. В то время породниться с императорским домом Византии было большой честью для любого европейского государя. Делать было нечего, и Василий II дал свое согласие на брак, оговорив впрочем, что Владимир перед свадьбой примет христианство.

Но решение князя Владимира креститься нельзя сводить к одним политическим резонам. Обращение его было непритворным, он не лицемерил и не вел беспринципную политическую игру ради того, чтобы любой ценой заполучить в жены сестру василевсов. Политика и религия сплелись здесь настолько тесно, что их просто невозможно отделить друг от друга.

Владимир отправил в Константинополь несколько тысяч русских воинов. С их помощью мятеж Варды Фоки был подавлен. Владимир тем временем после длительной осады взял крымский Херсонес, предавшийся мятежникам. Здесь, в политическом и церковном центре крымских владений Византии, состоялось венчание новообращенного русского князя с царевной Анной.

По некоторым намекам мы можем догадываться, что василевсы даровали своему русскому шурина титул цесаря. В самых ранних текстах, посвященных Владимиру, древнерусские авторы именуют его царем, наподобие Константина I Великого (Иаков Мних), «самодержцем Русской земли» («Сказание о Борисе и Глебе»), каковым термином не вполне точно перевели греческое слово «автократор», прочно соединявшееся в понятии русских людей с титулами «василевс», «цесарь», «царь». Характерной деталью является и то, что во всех летописях и житиях Владимира его византийская супруга Анна фигурирует с титулом «царица». Между тем ее собственный придворный ранг соответствовал титулу царевны, царицей же она могла быть только в качестве жены «царя» Владимира.

Еще более красноречив древнерусский нумизматический материал Владимировой эпохи. На золотых и серебряных монетах, отчеканенных в Киеве в конце X – начале XI вв., Владимир изображен в императорском облачении – длинной рубаше с узорчатой полосой и длинном плаще, скрепленном у правого плеча драгоценной застежкой-фибулой, со знаками царской власти – венцом и скипетром, и с нимбом над головой – символом царского величия. Прототипом для златников Владимира послужили золотые монеты Василия II и Константина VIII, причем сходство между ними настолько полное, что первые русские образцы, поступившие в Эрмитаж, были приняты за византийские солиды.

Внешность князя Владимира по этим монетам можно определить только в общих чертах. Бесспорно лишь то, что у него были длинные усы, обрамляющие бритый подбородок. Прическу разглядеть невозможно, не исключено, что Владимир следовал той же моде, что и его отец, князь Святослав, у которого, согласно знаменитому описанию Львом Диаконом, голова «была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода». Упоминание в том же отрывке коренастости, мохнатых бровей, курносого носа и светло-синих

глаз Святослава, дают возможность предположить, что Владимир мог унаследовать эти фенотипические признаки от своего родителя.

Иконописная традиция написания облика Владимира коренным образом расходится с его прижизненными изображениями на монетах. На наиболее древних иконах XV в. он, в соответствии с христианскими представлениями о благообразной мужской внешности, предстает почтенным старцем, с курчавыми волосами и окладистой бородой (иногда раздваивающейся). Трех- или даже пятичастный венец над головой – это воспоминание о царском венце, некогда украшавшем голову крестителя Руси.

В 988 или 989 г. (тут возможны разночтения) Владимир вернулся из Херсонеса в Киев. По известию Иакова Мниха, первым его делом было приобщить к новой вере свою семью – многочисленных жен и детей, а также всех близких и дальних родственников: «Крестился же сам князь Владимир, и детей своих, и весь дом свой святым крещением просветил и освободил всякую душу, мужской пол и женский, святого ради крещения». Тогда же крестилась и княжеская дружина.

Затем Владимир постарался заручиться поддержкой городской знати – *старцев градских*. Им принадлежало право предварительного совещания, без чего ни один вопрос вообще не мог быть вынесен на обсуждение веча. Старейшины вняли уговорам князя и изъявили готовность креститься. После этого исход дела был предreshен: организованного отпора религиозному нововведению быть уже не могло. Представители знатных родов пользовались у славян особым почитанием. В Житии Оттона Бамбергского (начало XII в.) есть схожий эпизод, когда один поморский князь, решивший по совету германского миссионера обратить в христианство свой народ, говорит ему: «Будь покоен, отец мой и господин, никто не станет тебе противиться, коль скоро старцы и знатные приняли христианскую веру».

Одновременно Владимир разослал по городу христианских священников, которые «ходили по граду, уча людей вере Христовой». Чтобы побудить колеблющихся принять новую веру, Владимир велел низвергнуть идолы языческих богов. Статую Перуна с позором протаскивали по земле до берега Днепра и бросили в воду. Таким способом язычникам внушали мысль, что их боги ничтожны и не могут постоять за себя.

Подобный образ действий был в то время распространен и в Западной Европе. Когда в 1168 г. датчане взяли город Аркону (на острове Рюген), где находилось наиболее почитаемое в славянском Поморье святилище Святовита, датский король Вальдемар (тезка русского князя, названный в честь своего прадеда по женской линии – Владимира Мономаха) велел «вытащить этот древний идол Святовита, который почитается всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь» (сообщение хрониста XII в. Гельмольда).

Свержение языческих святынь и увещевания христианских проповедников вызвали разлад среди киевских идолопоклонников: кто-то склонялся к тому, чтобы переменить веру, кто-то упорно держался старины, большинство же колебалось. Видя это, Владимир собрал городское вече и объявил свою волю:

– Наутро пускай каждый придет к реке креститься. Если же кто из некрещенных завтра не явится, будь то богатый или нищий, вельможа или раб, тот будет считаться ослушником моего повеления.

Вече рассудило: «Если бы новая вера не была лучше старой, то князь и бояре ее бы не приняли» – и одобрило призыв князя всем миром поменять веру.

На следующий день поутру на берегу Днепра собралось множество людей обоого пола и всех возрастов. Их разделили на группы и велели по очереди заходить в реку, которая заманила купель. Священники читали положенные молитвы, а потом давали каждой группе крестившихся христианские имена: одно мужское – общее для всех мужчин, другое женское –

общее всем женщинам. Никакого бытового неудобства от этого не возникало, так как после крещения в повседневном обиходе все равно использовались прежние мирские имена.

Нашлись, однако, и такие, которые не захотели принять новую веру, – и тогда вече постановило изгнать их из города в «пустыни и леса». Общество того времени не могло себе позволить роскоши разногласий и оппозиции. Вечевой порядок требовал от участников сходки единодушного приговора. Несогласных с мнением большинства поначалу уговаривали всем миром. «Жизнеописание Оттона Бамбергского» сообщает о крещении поморских славян: «В таком огромном городе, как Щетин, не нашлось ни единого человека, который бы, после общего согласия народа на принятие крещения, думал укрыться от Евангельской истины, кроме одного жреца... Но к нему однажды приступили все и стали его премного упрашивать». С теми же, кто, несмотря ни на что, продолжал упрямиться, поступали как с преступниками, подвергая их тяжелым наказаниям – побоям, грабежу имущества или крупному денежному взысканию. Так, Титмар Мерзебургский сообщает о порядке вечевых собраний у славянского племени лютичей: «Единодушным советом обсуждая все необходимое по своему усмотрению, они соглашались все в решении дел. Если же кто из находящихся в одной с ними провинции не согласен с общим собранием в решении дела, то его бьют палками; а если он противоречит публично, то или все свое имущество теряет от пожара и грабительства, или в присутствии всех, смотря по значению своему, платит известное количество денег».

В Русской земле решение «столичного» городского вече также безоговорочно поддерживалось всей «землей»: «...на что же старейшии [города] сдумают, на том же пригороды [сельские округа и «меньшие» города] станут» – сообщает Лаврентьевская летопись.

После крещения киевлян Владимир совершил миссионерские поездки в Суздальскую и Смоленскую земли, где положил начало обращению населявших эти края славянских и финно-угорских племен. Но затем нашествия печенегов и другие внешние угрозы надолго отвлекли Владимира от непосредственного участия в деле христианского просвещения Русской земли.

Сохранив за собой общее руководство миссионерской деятельностью, Владимир перепоручил ее осуществление высшему духовенству образованных епархий и ближайшему дружинному окружению – воеводам и посадникам. «Сии [епископы], – говорит Иоакимовская летопись, – ходили по земле с вельможами и воинами Владимировыми, учили людей и крестили всюду сотнями и тысячами...».

В далеком Новгороде введение новой веры встретило яростное сопротивление, которое вылилось в настоящее языческое восстание.

Дальнейшим распространением христианства занимались уже подросшие сыновья Владимира, посаженные отцом на городские княжения. Благодаря их стараниям христианская проповедь зазвучала на окраинных землях древней Руси – Древлянской, Туровской, Полоцкой, Смоленской, Ростовской, Муромской, Северской и других.

Христианизация каждой области начиналась с крещения городского населения, причем раньше других в новую веру обращали жителей того города, который на данной территории играл роль «стольного града». В этом прослеживается осознанное стремление опереться на правовую традицию славян, обязывавшую «меньшие» города беспрекословно повиноваться вечевому собранию «старейшего» города земли или волости. Повеление «быть христианами» касалось всех – «незнатных и знатных, рабов и свободных...» («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). Поэтому вместе с горожанами крещение принимала их домашняя прислуга.

Черед сельской округи наступил много позже, когда у Русской Церкви появилась возможность поставления священников в сельские приходы.

Русские летописи сообщают, что князь Владимир особенно заботился о духовном просвещении народа: «И повелел попам по городам и селам приводить людей к крещению и детей учить грамоте, учению книжному...». Под руководством болгарских и корсунских священни-

ков русские ученики овладевали богатствами славянской (болгарской, чехо-моравской) и греческой письменности. В истории русской культуры им предстояло сыграть особую роль, создав первые произведения русской словесности.

Принятие христианства преобразило духовно и самого князя Владимира. Князь искренне и всей душой принял новую веру. Древнерусские летописцы и духовные писатели не жалели слов, чтобы прославить милосердие и нищелюбие Владимира. Услыхав слова Писания: «Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7), Владимир разрешил всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и брать все, что ему потребно, – еду, питье или деньги. Для больных и немощных, которые не могли добраться до его двора, князь повелел развозить по городу пропитание. По свидетельству Иакова Мниха, от щедрот Владимира вкушала убогая братия не одного только Киева, а еще и многих других городов и сел Русской земли. В памяти народа Владимир остался Красным Солнышком, согревающим всех лучами своего милосердия:

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Было пированье почестен пир
На многих на князей на бояров,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.

Таким христианским государем, в полном смысле слова, увидели князя Владимира не только потомки, судившие о крестителе Руси по более или менее достоверным рассказам и преданиям, но и современники, лицезревшие Владимира собственными глазами. Мы располагаем свидетельством очевидца, достаточно близко сошедшегося с князем, – свидетельством тем более ценным, что исходит оно от лица, не имевшего по отношению к Владимиру никаких национальных, конфессиональных или личных пристрастий. Это – епископ Бруно, «апостол Пруссии».

Он происходил из рода графов Кверфуртских. В молодости, во время поездки по Италии, принял монашеский постриг под именем Бонифация, при императоре Генрихе II был посвящен в епископы и назначен главой миссии в восточных странах. В 1008 г. он возымел намерение обратить ко Христу печенегов, «жесточайших из всех язычников». Так, весной 1008 г., тридцатилетний Бруно очутился в Киеве, дабы уговорить Владимира препроводить его в Печенежскую землю.

О своем пребывании у киевского князя Бруно поведал в личном послании к императору Священной Римской империи Генриху II. «Государь Руси, – пишет он, – великий державой и богатствами, в течение месяца удерживал меня против моей воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, где, по его словам, я не обрел бы новых душ, но одну только смерть, да и то постыднейшую». Но Бруно настаивал, и Владимир, наконец, сдался. В сопровождении своей дружины князь проводил Бруно до южных пределов Русской земли, которые пролегали тогда в двух днях езды от Киева. Здесь Бруно увидел «крепчайшую и длиннейшую ограду» – знаменитые Змиевы валы, возведенные во время княжения Владимира для охраны Руси от печенежских набегов. «Спрыгнув с коня на землю, – пишет Бруно, – он последовал за мною, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими боярами вышел за ворота». Они вместе помолились и расстались.

Им суждено было увидеться еще раз – когда спустя пять месяцев Бруно, к великому изумлению и радости Владимира, живой и невредимый опять появился в Киеве, сообщив о благополучном исходе миссии и крещении «примерно тридцати душ» (вероятно, из числа старейшин печенежских родов – простой люд в подобных случаях обычно не считали). Окрылен-

ный успехом, Бруно поставил в епископы печенегам одного из своих спутников, а Владимир взял на себя все политические заботы, связанные с устройством Печенежской епархии².

В свидетельстве Бруно замечательно то, что этот суровый аскет ни на секунду не усомнился в подлинности христианства Владимира, в его глубокой личной приверженности христианскому идеалу. Владимир предстал перед Бруно в образе благочестивого правителя, неколлемимо стоящего на охране границ христианского мира.

И еще одна черта личности Владимира выпукло проступает в послании Бруно – живая, действенная любовь князя к ближнему. Он тревожится за своего гостя, сострадает ему и – склоняется перед его духовной свободой. И хотя речь идет о римском епископе, святой Владимир не видит для себя ничего зазорного в том, чтобы оказывать покровительство ему самому и основанной им Печенежской епархии. Очевидно, что эти два человека разговаривали на общем языке веры. Оберегая степные рубежи Русской земли, Владимир ощущал себя защитником единого христианского мира, который еще не прочертил внутри себя гибельных религиозных и цивилизационных границ.

Последние годы жизни Владимира были омрачены диастическим кризисом.

Разные летописи насчитывают от десяти до двенадцати сыновей великого князя. Двое из них – Вышеслав и Изяслав к тому времени уже умерли. Остальные были посажены отцом в разных городах Руси. Но только двое из них – Борис и Глеб – были рождены в церковном браке и происходили «от корня царского», ведь матерью их была греческая царевна Анна. С точки зрения церкви и государственного права Ромейской империи все остальные сыновья лишались права старшинства и не могли наследовать великокняжеский стол.

Так думали все, кто составлял греческое окружение Анны, и Владимир склонился на их сторону, нарушив традиционный русский порядок престолонаследия, согласно которому власть наследовалась по праву родового старшинства. Еще при жизни Анны князь объявил своим преемником Бориса. По единодушному свидетельству всех древнерусских писателей, князь любил его больше всех других сыновей. Княжым уделом Бориса стал Ростов, но он часто бывал в Киеве, так как Владимир старался держать его при себе, чтобы вовремя передать бразды правления.

Но старшие сыновья не смирились с таким решением отца. Первым проявил недовольство Святополк. Около 1013 г. он, считавший, что по праву старшинства должен унаследовать великокняжеский стол, составил заговор против отца. А поскольку женат он был на дочери польского короля Болеслава I, то духовником их семьи стал епископ Рейнберн, прибывший на Русь в свите польской княжны. Будучи ревностным миссионером, Рейнберн, где только мог, восхвалял достоинства католического вероучения. В этом семейном кругу и созрел заговор, имевший целью захват киевского престола. Когда заговорщики были разоблачены, Владимир приказал взять под стражу Святополка и его духовника, который умер в заточении.

Но теперь другой сын Владимира – Ярослав, сидевший в Новгороде, проявил неповиновение отцу. Новгородцы исправно приносили ежегодную плату, но «Ярослав сего не даяше к Киеву отцу своему» (то есть не отправлял положенное в Киев, а оставлял все себе).

Разгневанный Владимир начал собирать силы для похода на Новгород. Ярослав тоже готовился к сражению: «послал за море и привел варягов, боясь отца своего». Предстояла война отца с сыном – неслыханное дело даже в языческой Руси.

² Впрочем, просуществовала она, кажется, недолго. Арабский писатель XI в. Аль-Бекри пишет, что около 1010 г. в плен к печенегам попал мусульманин, «ученый богослов, который объяснил некоторым из них ислам, вследствие чего те приняли его. И намерения их были искренни, и стало распространяться между ними учение ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 тысяч, а неверных вдвое больше. И они [мусульмане] убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и есть у них ученые, и законоведы, и чтецы Корана». Переход печенегов в ислам подтверждает и арабский писатель XII в. Абу Хамид аль-Гарнати.

«Но Бог не дал диаволу радости», – с некоторым облегчением замечает летописец. В разгар военных приготовлений Владимир внезапно «разболелся» и слег. Врачеванье не помогало, недуг все усиливался, и 15 июля 1015 года Владимир отдал душу Богу в одной из своих загородных резиденций – селе Берестове.

Тело князя привезли в Киев, положили в мраморный гроб и поставили в Успенском храме. Утром весть о кончине Владимира мгновенно облетела город. Все, от мала до велика, поспешили в соборный храм проститься с князем. С молитвами и плачем тело его погребли рядом с прахом его бабки Ольги и жены Анны.

«Память о нем чтут русские люди, вспоминая святое крещение» – такими словами заключает летописец свое повествование о Владимире. Неудивительно, что у первого же поколения древнерусских книжников, воспитанников Владимировых школ, возникло горячее желание канонизировать крестителя Русской земли.

Но добиться согласия на это греческой церковной иерархии оказалось нелегко. Сам тип нового святого смущал греков, придерживавшихся в вопросах канонизации строгих традиций. Преобладающее место в греческих святцах занимали мученики за веру и лица духовного звания – преподобные (аскеты-подвижники) и святители (епископы). Миряне в чине «праведных» встречались только в виде исключения, и в основном это были цари и царицы. Но какой бы естественной ни казалась русским книжникам параллель Владимир – Константин Великий, для греческой Церкви она была совершенно неприемлема. В канонизации василевсов находил выражение греческий православный идеал царского служения. Их святость проявлялась не столько в личных добродетелях, сколько в великих церковных и государственных свершениях. Греки почитали тех своих царей и цариц, чьи имена были связаны с созывом Вселенских Соборов, ниспровержением ересей и торжеством Православия. Это была канонизация светских хранителей веры, защитников Церкви.

Однако «архонт Росии», пускай и носивший титул цесаря, не мог равняться с василевсами ромеев, поскольку он не был главой Русской Церкви, которая через греческого митрополита формально подчинялась Константинопольскому патриарху и в конечном счете – ромейскому василевсу. Поэтому, на взгляд греческого священства, единственным основанием для прославления его в качестве святого могли быть особые личные подвиги, притом непременно аскетического характера, – а таковых за Владимиром не числилось.

Высокомерному скепсису греческого духовенства русские писатели противопоставили личное убеждение в святости Владимира. Крещение Руси было для них тем подвигом, в свете которого делались ненужными какие бы то ни было еще доказательства права князя на «венiec с праведными».

Эта терпеливая вера в конце концов одолела все преграды, и Владимир был причтен к лику святых в чине равноапостольного³. Самое раннее упоминание о местном церковном почитании Владимира содержит редакция «Студийского устава» из собрания Курского краеведческого музея (конец XII – начало XIII вв.), где под 24 июля есть запись: «Чтется Житие князя Владимира».

Мощи Владимира, как и мощи княгини Ольги, были утрачены во время татарского погрома Киева 1240 г. Спустя четыре столетия при расчистке развалин Десятинной церкви были найдены мужские останки, объявленные киевским митрополитом Петром Могилой мощами святого Владимира. Впоследствии отдельные их части сделались достоянием Киево-Печерской лавры (черепа), киевского собора Святой Софии (ручная кость) и московского Успенского собора (челюсть). В настоящее время некоторые исследователи ставят под сомнение подлинность этой находки.

³ См.: Цветков С. Э. Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого. М., 2012. С. 253–256.

Ярополк

(960/961? – 978/980)

Наследник князя Святослава, великий князь, вторая жертва распри Святославичей.

Имя Ярополк – «княжеское», двусоставное. Первая его часть, *Яро-* (от «ярый» в смысле «яркий, жаркий, пылающий, исступленный, буйный»), вторая – *-полк* («войско»), то есть имя означает нечто вроде «пылкий предводитель войска». Это одно из немногих языческих славянских имен, попавших в христианские святцы (впоследствии канонизирован князь волинский и туровский Ярополк (Петр) Изяславич (1043/47–1086) – сын киевского князя Изяслава Ярославича, внук Ярослава Мудрого; день памяти 5 декабря).

Князь Ярополк, по всей видимости, был вторым сыном Святослава, уступая Владимиру несколькими годами. Передача ему великокняжеского стола объясняется тем обстоятельством, что Владимир был «робичичем», сыном рабыни, и потому не годился на роль главы рода.

Ярополк был женат на гречанке, родом из Ромейской державы. Под влиянием жены Ярополк, не совсем забывший и Ольгины уроки, начал опять склоняться к христианству. Крещения он не принял, но, по свидетельству летописи, «дал великую волю христианам», то есть позволил свободно строить храмы и совершать богослужения.

Политической культуры как таковой на Руси X в. еще не существовало. В основе «княжого права» лежало понятие семейного владения. Члены княжеской семьи – великий князь и его сыновья – понимали свое обладание киевским столом как семейную прерогативу на собственность (в виде полюдья и даней), переходящую из рук в руки по праву наследования. При жизни отца наследник великокняжеского стола, а также его братья, если таковые были, имели свою долю в этом общем владении. Их долевое участие в княжении обеспечивалось путем посажения княжичей по волостям. По сути, это был семейный раздел общего родового достоинства – Русской земли.

Первый пример подобного раздела известен по сообщению василевса Константина VII Багрянородного, что во время княжения Игоря малолетний Святослав сидел в загадочном «Немогарде». Сам Святослав, будучи многодетным отцом, перед последним походом на Балканы (970) выделил своим сыновьям уже несколько волостей. На киевском столе он посадил Ярополка, в Овруче (город в Древлянской земле, на правом берегу Днепра) – Олега. Новгородцы заполучили себе в князья Владимира.

Со смертью Святослава (971) Русская земля превратилась в своего рода семейный союз, основанный на кровнородственных связях трех братьев, представителей династии. При отсутствии живого отца отношения между братьями регулировал родовой принцип *старейшинства*, который заключался в том, что Ярополка, сидевшего на «отцовском столе», остальные Святославичи должны были чтить «в отца место», то есть как родителя. Фактически по отношению к старейшему брату, киевскому князю, прочие братья продолжали числиться подчиненными ему «посадниками», обязанными выплачивать дань в дни мира и оказывать силовую поддержку в случае войны.

Единство страны, обеспечиваемое подобным образом, было, конечно же, чисто формальным. Принцип старейшинства был скорее морально-этической нормой, нежели правовым установлением. Семейное право не давало никаких преимуществ старшему брату перед другими. Чтить старшего брата «в отца место» было естественно и похвально, но этого требовала традиция, а не закон, поэтому на деле послушание меньших братьев старейшему покоилось исключительно на их доброй воле.

Таким образом, распределение столов между сыновьями Святослава открывало путь к дроблению Русской земли на ряд независимых друг от друга княжеств. Для того, чтобы собрать их вновь в одно государственное целое, нужно было уничтожить сам факт раздела, а сделать это можно было только посредством кровавой братоубийственной борьбы.

Между тем ничто не предвещало кровавого исхода. Напротив, годы княжения Ярополка были ознаменованы событиями, которые, казалось, свидетельствовали о непрерывном росте могущества и славы юного державца Русской земли.

По сообщению Никоновской летописи, Ярополк совершил поход против печенегов. По всей вероятности, это было возмездие за убийство Святослава. Короткая летописная строка говорит, что степные орды были рассеяны русской ратью: «победил Ярополк печенегов, и возложил на них дань». Сокрушительное поражение произвело такое впечатление на печенежских ханов, что один из них, по имени Илдей, поспешил отдаться под Ярополкову руку: «Ярополк же принял его, и дал ему грады и волости, и оказал ему великую честь».

Тогда же возобновились дружественные отношения с Ромейской державой, причем по инициативе греческой стороны. В 976 г. против законных василевсов – Василия II и его соправителя Константина VIII – поднял восстание знатный вельможа Варда Склир, пользовавшийся огромной популярностью в войсках. Летом 976 г. Варда Склир провозгласил себя василевсом и начал приготовления к походу на Константинополь. Мятёж Склира имел далеко идущие последствия, в том числе и для Русской земли, предвидеть которые тогда не мог никто.

Получив помощь арабских эмиров, Склир в 977 г. овладел почти всей Малой Азией. Солдаты правительственных войск охотно переходили под его знамена. Василий II и его советники пребывали в растерянности. «Узнав, что все тяжеловооруженные воины стеклись к Склиру, – пишет хронист Михаил Пселл, – император и его приближенные решили... что погибли».

Вероятно, сознание отчаянности своего положения и побудило Василия II отправить послов в Киев. Некоторые летописи поясняют, что речь прежде всего шла о военной помощи империи: «...пришли послы от грек и подтвердили мир и любовь на прежних договорах, обещая ежегодную дань платить, а Ярополк обещал на грек, болгар и Корсунь не воевать и в потребности грекам со всем войском помогать». Эта обязанность русских князей по охране крымских владений империи была прописана в недавнем договоре князя Святослава с Иоанном Цимисхием (971).

Ярополк с уверенностью смотрел в будущее. Но выполнить свои союзнические обязательства перед греками он не успел.

Север затягивался грозовой тучей.

В 978 г. нелепый случай (об этом см. главы об Олеге и Свенгельде) вызвал столкновение Ярополка с его братом Олегом, повлекшее смерть древлянского князя. Владимир, решив, что Ярополк хочет избавиться от всех братьев-соперников, бежал из Новгорода, ища возможности пополнить за морем свою дружину. Новгородцы между тем обещали своему князю посильную помощь, и действительно, взяли на себя все расходы по содержанию его «варяжской» дружины.

Ярополк отправил к брату послов с «увещеванием», то есть пытаясь уладить дело миром. Одновременно он выдвинул к северной границе Русской земли, в междуречье Днепра и Западной Двины, войско под началом своих воевод. В их задачу входила охрана верховьев Днепра с тем, чтобы помешать войску Владимира спуститься по реке к Киеву. Вероятно, киевская рать встала в Смоленске или Гнездове – тогдашних северных форпостах киевских князей. Владимиру пришлось двинуться в обход. Он предполагал войти в Днепр через его правый приток, речку Дручу (ныне Друть), впадающую в Днепр значительно южнее Смоленска, возле современного Рогачева. Воеводы Ярополка успели преградить путь Владимиру. Но исход противостояния двух армий был решен не мечом, а подкупом. Владимир послал воеводам Ярополка богатые дары, и те пообещали перейти на его сторону со многими ратниками. Так и случилось.

Как только Владимир двинул свои полки в бой, воеводы Ярополка с верными людьми переметнулись к нему, остальные Ярополковы ратники разбежались.

Войско Владимира осадило Киев. Ярополк, не найдя поддержки у киевлян, бежал из города, но вскоре вернулся, вызванный Владимиром для переговоров, и был предательски убит в гряднице брата двумя «варягами».

С вокняжением Владимира в Киеве раздел Русской земли был уничтожен, государственное единство ее восстановлено.

«Грекия»

Жена князя Ярополка и мать «окаянного» князя Святополка, предполагаемого убийцы святых братьев Бориса и Глеба. По происхождению «грекия» (из Ромейской империи). В истории осталась безымянной.

Собственная ее биография мало кого интересовала в древней Руси. Повышенное внимание древнерусских книжников к этой женщине было обусловлено исключительно тем, что, по преданию, Владимир, после убийства Ярополка, сделал ее своей наложницей – чем вызвал упорные слухи о том, что рожденный «грекиней» сын Святополк был «от двоих отцов» (Ярополка и Владимира). В связи с происхождением Святополка и упоминаются некоторые подробности биографии его матери.

В то же время показания древнерусских источников довольно противоречивы.

Так, «Сказание о Борисе и Глебе» сообщает о матери Святополка, что она прежде была черницей (монахиней), гречанкой родом, а Ярополк «поял» и расстриг ее, пленившись красотой черницы. Владимир же, убив Ярополка, захватил его жену, которая была уже беременной («непраздну сушу»). В этом незаконном браке родился «окаянный» Святополк, которого Владимир не любил, так как считал не своим сыном.

Здесь утверждается, во-первых, что матерью Святополка была расстриженная грекия-черница (каким образом она попала в Киев, не поясняется) и, во-вторых, что Владимир не был родным отцом Святополка. Цель этих генеалогических разысканий вполне очевидна – убедить читателя в прирожденном «окаянстве» убийцы святых братьев-мучеников, проведя параллель с известным библейским персонажем – Авимелехом, незаконнорожденным сыном судьи израильского Гедеоны, истребившем 70 своих братьев: «сей же Святополк, новый Авимелех, который родился от прелюбодеянья и избил (убил) братьев своих, сынов Гедеоновых».

«Повесть временных лет» (Ипатьевский список), разделяя со «Сказанием» саму идею предопределенности Святополковых злодеяний, вместе с тем толкует ее по-своему: «у Ярополка была жена грекия, и была она черницею, ее привел отец его Святослав и выдал замуж за Ярополка, красы для лица ее» (под 977 г.). «Владимир же завладел женой братней грекиней, и была она не праздна, от нее же родил Святополка. От греховного корня злой плод бывает, поскольку, во-первых, была его мать черницею, а второе, Владимир взял ее себе не по браку, ибо был знатный прелюбодей. Но отец его не любил, ибо был он от двоих отцов, от Ярополка и от Владимира» (под 980 г.).

Разночтения со «Сказанием» весьма значительны: одни подробности появляются (оказывается, грекиню привел Ярополку из Византии его отец, Святослав), другие исчезают (о «поятии» и расстрижении грекини Ярополком). Но наиболее важны два момента. Возвещая, как и «Сказание», о рождении Святополка «от двоих отцов», летописец в то же время фактически дезавуирует это известие тем, что прямо удостоверяет отцовство Владимира фразой, что именно он «родил» Святополка (грамматическая форма, употребленная в «Сказании» – «от нее же родился сей окаянный Святополк», – наоборот, тщательно отстраняет Владимира от участия в его рождении: не Владимир «родил» Святополка, а тот как бы сам «родился» от грекини) и был его отцом. Греховность же происхождения Святополка летописец видит в монашеском чине его матери и в том, что Владимир сожительствовал с грекиней незаконным образом, то есть сделал ее своей наложницей, тогда как для автора «Сказания» корень зла заключается исключительно в рождении Святополка от двух отцов, которые к тому же приходились друг другу еще и братьями.

На территорию Византии войско Святослава вторглось лишь однажды, в ходе кампании 970 г., следовательно, только тогда оно и могло на время завладеть каким-то византийским монастырем.

Переяславско-Суздальская летопись (XIII в.), следуя в основном тексту «Сказания», дополнила его сообщением «Повести временных лет» о том, что грекиня прибыла на Русь в качестве военной добычи, и собственным уточнением о времени ее пострижения в монахини: «Сего [Святополка] мать прежде была черница, грекиня, пленена в Царьграде. И была она красива, и поял ее Ярополк, брат Владимиров; по мужней же смерти она постриглась в монастырь. Владимир же расстриг ее, из-за ее красоты».

Поздняя письменная фиксация, тенденциозность, морализаторство, смещение акцентов, разнбой в важных и второстепенных сведениях (вот еще мелкая, но характерная деталь: виновниками расстрижения прекрасной черницы оказались последовательно Святослав, Ярополк и Владимир), а также внутренние неувязки (Ярополк получает грекиню в жены после византийского похода Святослава в 970 г., а «непраздной» она становится только десять лет спустя, в 980 г.) – все эти особенности летописно-житийной разработки сюжета о рождении Святополка делают его типичным образцом литературного мифотворчества. В действительности русские писатели конца XI – начала XII вв., по всей видимости, уже не располагали почти никакими достоверными данными о Святополке и его матери.

Некоторые историки (Е. Е. Голубинский и А. В. Карташев) предполагали, что Ярополкова «грекиня» могла быть одной из женщин, которые склонили Владимира к крещению (древнерусская литература отдает первенство в этом деле княгине Ольге и ромейской жене Владимира – принцессе Анне).

Олег

Сын Святослава, древлянский князь, с рассказа о нем «Повесть временных лет» начинается историю распри Святославичей.

О происхождении и значении имени Олег ведутся споры.

Имя это распространено во всем славянском мире. У чехов, скажем, имеется имя Олек и Олег, в земле полабских славян находился город Ольгощ. Славянское «ол», по всей видимости, означало «вел, великий». Например, западнославянское имя Олек имеет вариант Велек, Олен – Велен, Олгост – Велегост, Олимар – Велемир и т. д.

Скандинавское имя «Хельги» («святой/святая»), которое ученые норманнской школы считают прототипом славянского «Олег», встречается только в поздних источниках (не ранее XIII в.). Показательно, что саги употребляют имя княгини Ольги в искаженной форме «Алогия», а не реконструируют его как «Хельги», то есть воспринимают его, как чужое.

Имеется также тюркская версия, где вероятным прототипом для славянского «Олег» выдвигается тюркское слово «олгу», означавшее «великий». В одной древнеболгарской надписи упоминается «Феодор, олгу тракан» («великий правитель»), а «Повесть временных лет» зачастую передает имя Олега в форме Олг. Тюркское «олгу» могло попасть в именослов славянских князей в период аварского ига или через булгар.

Год рождения Олега Святославича неизвестен. Летопись числит его младшим братом Ярополка (не ясно, родным или сводным). При разделе Русской земли в 970 г., Олег, судя по всему еще несовершеннолетний отрок, получил от отца Древлянскую землю (историческая область в бассейне реки Припять).

Это была бедная и малонаселенная волость. По археологическим данным, древляне были удручающе бедны, как ни одно другое восточнославянское племя, и практически не участвовали в торговых операциях на основных водных путях – донском, волжском и западновинском. Самые крупные древлянские «грады» (Оран, Иваньково, Малино, Городск) имеют площадь около двух тысяч квадратных метров – почти в три раза меньше футбольного поля. Самые «роскошные» предметы, извлеченные из древлянских могильников, – это железные ножи, бронзовые браслеты и стеклянные бусины. Местная пушнина ценилась не так дорого, как меха, поступавшие из северных областей, где волос у зверя был гуще и тоньше.

Большую часть своей короткой жизни Олег провел под опекой какого-то влиятельного боярина или князьего воеводы, вроде Свенгельда. Похоже, что его отношения со старшим братом были непростыми. Во всяком случае, симпатия и доверие между ними начисто отсутствовали.

Летом 975 г. умы людей в разных концах света были смущены необычным видением на небе: «В это время, в начале августа месяца, явилась на небе удивительная, необыкновенная и превышающая человеческое понятие комета. В наши времена никогда еще не видали подобной, да и прежде не случалось, чтобы какая-нибудь комета столько дней была видима на небе. Она восходила на зимнем востоке и, поднимаясь вверх, высясь, как кипарис, достигала наибольшей высоты, а потом, тихо колеблясь, испуская блестящие и яркие лучи и являясь чем-то полным страха и ужаса для людей. Быв усмотрена, как сказано, в начале августа, она совершала свой восход в продолжение целых 80 дней, будучи видима от полудня до самого белого дня».

Византийскому историку Льву Диакону (X в.), которому принадлежат эти строки, подобно многим другим, казалось, что комета появилась не на добро, предвещая «страшные мятежи, нашествие народов, междоусобные брани, переселение городов и стран, голод и моровые язвы, ужасные землетрясения и почти совершенную гибель Ромейской империи...».

Русские летописцы также отметили это небесное явление (правда, ошибочно поместив его под 979 г.): «Того же лета было знамение в луне, и в солнце и в звездах и были громы великие и страшные, ветры сильные с вихрем, и много пакости было человекам, и скотам, и зверям лесным и полевым» (Никоновская летопись).

Как оказалось, «знамение» не сулило ничего хорошего и Русской земле.

Однажды Олегу донесли, что в его охотничьих угодьях появился сын Свенгельда, именем Лют, который, выехав из Киева на «ловы» (охоту), «гнал зверя в лесу» и в азарте погони нарушил границы Древлянской земли. Горячий Олег убил браконьера. Престарелый Свенгельд поклялся отомстить убийце своего сына и потребовал от Ярополка: «Пойди на брата своего и прими волость его».

Свенгельд добивался правды в полном соответствии с законом русским, который провозглашал кровную месть первейшей обязанностью свободного человека: «Если убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или двоюродный брат, или племянник...» и т. д. Видимо, поэтому речи заслуженного воеводы в конце концов были услышаны. Согласно летописному преданию, Ярополк двинул войско против Олега. Тот вышел с полками навстречу. Однако в бою Олег не устоял и побежал со своими воинами в град, называемый Овруч (ныне административный центр Овручского района в Житомирской области, на Украине). Путь к городским воротам лежал через мост, перекинутый надо рвом. Преследуемые беглецы ринулись по нему всем скопом, тесня и сбрасывая друг друга в ров. Вместе со многими простыми воинами спихнули вниз и Олега. Под тяжестью придавивших его людей и лошадей князь задохнулся (по сведениям древнерусского писателя XI в. Иакова Мниха, мост, не выдержав тяжести, рухнул и придавил Олега во рву).

Ярополк, войдя в город, не нашел среди пленников брата. На вопросы о его судьбе один древлянин сказал: «Я видел, как его вчера сбросили с моста». Тогда Ярополк послал людей искать Олега во рву. Трупы пришлось убирать «с утра и до полудня». Тело Олега, найденное под горами мертвецов, вытащили и положили на ковре. Ярополк, пишет летописец, весьма скорбел по брату и со слезами укорил Свенгельда: «Вот, смотри, ты этого хотел!»

Олега погребли возле города Овруча. Ярополк же завладел волостью своего брата.

В 1044 г. по приказу племянника Ярополка и Олега, князя Ярослава Мудрого, останки бывших врагов были вынуты из земли, крещены и перезахоронены в киевской церкви Святой Богородицы (Десятинной). Этот уникальная (и скандальная!) церемония имела некий символический смысл, со временем совершенно забытый. В официальной церковной литературе ничего похожего мы не найдем. Единственное соответствие можно извлечь из одного апокрифического произведения. Это – сказание о двойном крещении костей Адама: водами Иордана и кровью Христа, пролитой на Голгофе. Сравнение сюжета апокрифа с обрядом перезахоронения останков Ярополка и Олега приводит к выводу, что в том и другом случае символически выражена идея предуготованности к крещению. По всей видимости, современники Ярослава Мудрого полагали, что уроки святой княгини Ольги, которая воспитывала внуков в отсутствие Святослава, не прошли для них даром.

Очень скоро (во второй половине 40-х гг. XI в.) последовала и окончательная христианская реабилитация обоих братьев Владимира, когда их именами были наречены два внука Ярослава Мудрого – Ярополк Изяславич и Олег Святославич. Это означало, что древнерусские имена Ярополк и Олег были включены в родовой княжеский именослов, «очищенный» от языческих воспоминаний и ассоциаций.

Имеются туманные сведения, что у Олега был сын, нареченный тем же именем, который после смерти отца бежал в Чехию и стал родоначальником знатного моравского рода Жеротингов.

Добрыня

Брат Малуши. Уй (дядя по матери) и воевода князя Владимира.

Судя по всему, в XI–XII вв. на Руси существовал целый цикл дружинных сказаний о Добрыне. Однако в летописях и других источниках сохранились лишь фрагменты этого некогда обширного эпоса.

В летописных известиях 970–980-х гг. Добрыня выступает опекуном юного племянника, его неизменным советником, а порой – и руководителем (как, например, в полоцком эпизоде). Кажется, он умел облечь свои мысли в образную, запоминающуюся форму. Летопись донесла одну его фразу в новелле под 985 г. о походе на волжских булгар: «Пошел Володимер на болгары с Добрынею, с уем своим, в лодьях... и победи болгары. Сказал Добрыня Володимеру: «Я видел пленников, все они в сапогах. Эти люди дани нам не дадут, поидем искать лапотников». И сотворил мир Володимер с болгарами и клялись между собою, и сказали болгаре: «Тогда только не будет между нами мира, когда камень начнет плавать, а хмель начнет тонуть». И вернулся Володимер в Киев».

От арабских писателей мы знаем, что волжские булгары были превосходными мастерами сапожного дела, и поставлявшиеся ими на экспорт сапоги из юфти на Востоке так и назывались – «булгари».

Правитель волжских булгар был в состоянии выставить в поле грозную по тем временам военную силу – от 10 до 20 тысяч всадников, в кольчугах и полном вооружении. Одолеть это войско было нелегко. Анонимное персоязычное сочинение «Границы мира» (Худуд аль-Алам, начало 80-х гг. X в.) сообщает, что «со всяким войском кафиров [неверных], сколько бы его ни было, они [волжские булгары] сражаются и побеждают». Главные городища булгар были укреплены по всем правилам фортификационного искусства своего времени.

Можно предположить, что войско Владимира и Добрыни разграбило пограничные северные области Волжской Булгарии, в бассейне слияния Волги и Камы. Но затем подход основных сил булгарского войска из расположенных южнее Булгара, Суvara, Биляра, по всей видимости, заставил русов прекратить грабежи и искать примирения. Взять с булгар дань не удалось, что и подытожил Добрыня своей иронической сентенцией.

Княжий воевода принял деятельное участие в крещении Руси. Предания связывают с его именем обращение в христианство населения северных и северо-восточных областей Древнерусского государства. Поздние памятники сообщают, что Добрыня ходил с епископами «по Русской земле и до Ростова», «и учил... веровать в единого Бога в Троице славимого, и научил богоразумию и благочестию многих, и крестил без числа людей, и многие церкви воздвиг... И была радость великая в людях, и множились верующие, и повсюду прославляли имя Христа Бога» (Никоновская летопись, под 991 г.).

Однако же новгородские предания уверяют, что крещение Новгорода обернулось кровавой драмой. В связи с нехваткой лиц высшего духовного звания поставление новгородского епископа состоялось только в 991 или 992 г. – им стал простой корсунский священник Иоаким. Но еще в 990 г. из Киева в Новгород было отправлено несколько простых священников под охраной Добрыни. Миссия имела целью подготовить почву для массового крещения новгородцев. Поэтому проповедники ограничились тем, что обратились к горожанам с вероучительным словом, подкрепленным для вящего вразумления принародным зрелищем «сокрушения идолов» (вероятно, тех, что стояли на княжем дворе, так как главное святилище новгородцев – Перынь – пока не тронули). Итогом стараний киевских учителей было крещение некоторого числа новгородцев и возведение в Неревском конце, несколько севернее кремля, деревянного храма во имя Преображения Господня.

Дальнейшее известно по рассказу Иоакимовской летописи.

Ко времени прибытия в Новгород епископа Иоакима обстановка там была накалена до предела. Противники христианства сумели организовать и взяли верх в Неревском и Людином концах (в западной части города), захватив в заложники жену и «неких сородников» Добрыни, которые не успели перебраться на другую сторону Волхова. Добрыня удержал за собой только Славенский конец на восточной (Торговой) стороне. Язычники были настроены весьма решительно – «собрали вече и поклялись не пустить [Добрыню] в город и не дать идолов низвергнуть». Напрасно Добрыня увещевал их «лагодными словами» – его не хотели слушать. Чтобы не дать отряду Добрыни проникнуть на городское левобережье, новгородцы разметали волховский мост и поставили на берегу два «порока» (каменета).

Положение княжеской стороны осложнялось тем, что городская знать и волхвы прикнули к народу. В их лице восстание приобрело авторитетных вождей. Иоакимовская летопись называет два имени: главного городского волхва Богомила и новгородского тысяцкого Угоняя. За первым закрепилось прозвище Соловей – по его редкому «сладкоречию», которое он с успехом пускал в ход, возбуждая народ к сопротивлению Добрыне. Угоняй не отставал от него и, «езда всюду, вопил: «Лучше нам помереть, нежели богов наших дать на поругание».

Наслушавшись таких речей, рассвирепевшая толпа повалила на Добрынин двор, где содержались под стражей жена и родственники воеводы, и убила всех, кто там находился. После этого все пути к примирению были отрезаны.

Добрыне не оставалось ничего другого, как применить силу. Разработанная им операция по захвату новгородского левобережья может украсить учебник военного искусства любой эпохи. Ночью несколько сот человек под началом княжьего тысяцкого Путяты были посажены в ладьи. Никем не замеченные, они тихо спустились вниз по Волхову, высадились на левом берегу, выше города, и вступили в Новгород со стороны Неревского конца. В Новгороде со дня на день ожидали прибытия подкрепления – земского ополчения из новгородских «пригородов» (окрестных городов), и в стане Добрыни, очевидно, прознали об этом.

Расчет воеводы полностью оправдался: никто не забил тревогу, «все, кто видел ратников, принимали их за своих». Под приветственные крики городской стражи Путята устремился напрямик ко двору Угоняя. Здесь он застал не только самого новгородского тысяцкого, но и других главарей восстания. Все они были схвачены и под охраной переправлены на правый берег. Сам Путята с большей частью своих ратников затворился на Угоняевом дворе.

Тем временем стражники наконец сообразили, что происходит, и подняли на ноги новгородцев. Огромная толпа окружила двор Угоняя. Но арест городских старшин сделал свое дело, лишив язычников единого руководства. Толпа разделилась на две части: одна беспорядочно пыталась овладеть двором новгородского тысяцкого, другая занялась погромами – «церковь Преображения Господня разметали и дома христиан разграбили». Береговая линия временно была оставлена без присмотра. Воспользовавшись этим, Добрыня с войском на рассвете переплыл Волхов. Оказать непосредственную помощь отряду Путяты было, по-видимому, все-таки непросто, и Добрыня, чтобы отвлечь внимание новгородцев от осады Угоняева двора, приказал зажечь несколько домов на берегу. Для деревянного города пожар был хуже войны. Новгородцы, позабыв обо всем, бросились тушить огонь. Добрыня без помех вызволил Путяту из осады, а вскоре к воеводе явились новгородские послы с просьбой о мире.

Словив сопротивление язычников, Добрыня приступил к крещению Новгорода. Все совершилось по киевскому образцу. Новгородские святилища были разорены ратниками Добрыни на глазах у новгородцев, которые с «воплем великим и слезами» смотрели на поругание своих богов. Затем Добрыня повелел, «чтоб шли ко крещению» на Волхов. Однако дух протеста был еще жив, поэтому вече упорно отказывалось узаконить перемену веры. Добрыне пришлось опять прибегнуть к силе. Не хотевших креститься воины «тащили и крестили, мужчин выше моста, а женщин ниже моста». Многие язычники хитрили, выдавая себя за кре-

стившихся. По преданию, именно с крещением новгородцев связан обычай ношения русскими людьми нательных крестов: их будто бы выдали всем крестившимся, чтобы выявить тех, кто только притворялся крещеным.

Позже киевляне, гордившиеся тем, что введение христианства прошло у них более или менее гладко, злорадно напоминали новгородцам: «Путята крестил вас мечом, а Добрыня огнем»⁴.

На этом исторические известия о Добрыне обрываются. Из летописных статей о междоусобице сыновей князя Владимира мы узнаем, что у Добрыни был сын Константин, исполнявший в Новгороде должность посадника.

⁴ См.: Цветков С. Э. Эпоха единства Древней Руси. С. 148—152.

Свенгельд

Воевода, один из самых богатых и могущественных людей на Руси X в. В его руках не раз находилась судьба великокняжеской династии и самого Древнерусского государства.

Другие варианты этого имени в летописях: Свеналд, Свентелд, Свенделд, Свингелд, Свенелд, Свинделд, Свендел, Свиндел, Сведелад, Свенд, Спентелд, Свентолд, Свентеад, Свелд. Правильнее, по-видимому, все же Свенгельд, так как эта форма подтверждается сообщением византийских хронистов о находившемся в войске Святослава Игоревича знатном русе по имени Сфенкел/Сфангел.

Происхождение и этимология имени неясны. Ученые норманнской школы видят в нем старонорвежское имя (в рунических надписях – Svainaltr, Svinaltr, в латинизированной форме – Svenaldus, Svanaldus). Другие исследователи выводят его из балтских и славянских (например, польск. Świętold) языков.

На страницах «Повести временных лет» Свенгельд сразу предстает весьма значительным лицом – воеводой юного князя Игоря и, по всей вероятности, его опекуном. Он «примучивает» окрестные племена под власть киевского князя, ему предоставляется исключительное право сбора дани в некоторых землях, дружина его «изоделась оружием и порты» (то есть щеголяет дорогим вооружением и роскошными одеждами), что вызывает черную зависть у обносившихся дружинников Игоря. Его высокое положение сохраняется неизменным до самой смерти Игоря, рушится при Ольге и возрождается вновь при Святославе. В конце концов Свенгельд оказался тем ненавидимым при княжеском дворе человеком, который исподволь и, возможно, не желая того, подготовил блестящий взлет киевской великокняжеской династии.

В конце 930-х гг. Свенгельд покорил славянское племя уличей (уличей, улучей), живших в «Углу» – так называлась тогда историческая местность в низовьях Днепра. Расцвет этого племенного объединения пришелся на IX в. Сочинение анонимного Баварского географа (ок. 830 г.) описывает его в следующих словах: «Угличы – народ многочисленный: у него 318 городов» (читай: родовых и племенных городищ). Стольным градом уличей был Пересечен.

Войско Свенгельда разгромило уличей и разорило Пересечен. Наложенную на побежденных дань Игорь передал Свенгельду. Очевидно, к тому времени княжеский воевода уже пользовался в Киеве безраздельным влиянием.

Следующий поход Свенгельд совершил на древлян. Победив их, он присвоил себе также и «дань древлянскую». Алчность воеводы вызвала возмущение при киевском дворе: «...и сказала дружина Игорю: дал ты одному мужу слишком много».

Возмущавший Игорь и сам уже тяготился всесилием своего опекуна. Недовольство князя выразилось в попытке пожить на той же ниве, которую уже несколько лет единолично возделывал Свенгельд, – на сборе древлянской дани. Но Игорь перегнул палку: взяв две дани, вернулся с малой дружиной за третьей, и был захвачен и казнен возмущенными древлянами. «Мужа твоего убили, потому что он, как волк, расхищал и грабил», – заявили древлянские послы молодой вдове, княгине Ольге.

Бесславная гибель Игоря в Древлянской земле вызвала в Киеве уныние и растерянность. Киевское «княжение» внезапно оказалось обезглавлено. Святослав не годился в полноценные наследники отцу. И дело было даже не в его малолетстве. Согласно языческим поверьям, Святослав лишился отеческого покровительства, ибо дух не погребенного подобающим образом Игоря теперь не только не был склонен оказывать ему помощь, но, напротив, мог навлечь бедствия на него и на весь великокняжеский род. Русская земля была ввергнута в состояние сакральной незащищенности. Эта крайне опасная для русов ситуация подчеркнута в летописи

словами древлян: «Вот, мы князя убили русского! Возьмем жену его Ольгу за нашего князя Мала, и Святослава, и сделаем с ними, что захочем».

Торжество и самонадеянные мечтания древлян имели под собой древний обычай, согласно которому тот, кто убивает вождя вражеского племени, наследует его сакральную силу, власть, имущество, женщин и вообще семью. Русские князья впоследствии и сами не раз руководствовались этим порядком. Так, Владимир завладел женой убитого Ярополка. Касожский князь Редедя, язычник, предлагая Мстиславу поединок, ставит условие: «Если одолеешь ты, то возьмешь имение мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою». И христианин Мстислав соглашается: «Да будет так». Отсюда становится понятно, что именно так сильно поразило древнерусских людей в последующих действиях Ольги: эта женщина не пожелала покориться общепринятому канону, пошла наперекор предначертанной ей обществом судьбе.

Приготовления «руси» к карательному походу в Древлянскую землю вылились в серию человеческих жертвоприношений. Ритуальные казни Ольгой древлянских послов были призваны обеспечить киевской общине благорасположение богов и даровать победу над врагом. Кульминацией культовых обрядов стало торжественное погребение Игоря.

При помощи этих ритуалов убитый Игорь был превращен в наделенного магической силой предка-покровителя княжеской семьи и всей Русской земли. Его сакральные функции вождя-жреца перешли к Святославу. Только тогда русы решились на военные операции против древлян.

Во главе княжеской дружины вновь стал Свенгельд. Решающее сражение с древлянами, согласно обычаю, начал малолетний Святослав. Свенгельд и княжий воспитатель Асмуд посадили мальчика на коня и вывели пред полками, чтобы князь подал сигнал к началу битвы – совершил символический бросок копья в сторону врага. Брошенное слабой ребячьей рукою, копье пролетело между ушами коня и ударилось ему в ноги. Однако почин был сделан и обычай был соблюден. «Князь уже начал битву, – обратился Свенгельд к войску, – последуем, дружина, за князем».

Сцена с бросанием копья Святославом воспринималась людьми X века в духе древнейших языческих представлений, согласно которым начинать сражение посредством некоего символического жеста (в данном случае метания копья в сторону врага) надлежало вождю, обладавшему божественной силой. Так, перед началом битвы на Каталаунских полях Аттила, по свидетельству византийского историка VI века Иордана, сказал своим воинам: «Я бросаю дротик в неприятеля. Если кто-нибудь может остаться спокойным в то время, когда бьется Аттила, тот уже погиб». Даже в христианскую эпоху древнерусские книжники напрямую связывали победу Святослава (непреклонного язычника) над древлянами с покровительством небесных сил. В Архангелогородской летописи данный текст имеет продолжение: «И пособи Бог Святославу, и победи древляны...».

Свенгельд спас Ольгу и ее малолетнего сына. Древляне были разбиты и усмирены. Но в дальнейшем пути Ольги и Свенгельда разошлись.

Отношения Ольги с сыном были далеки от идиллии. Взрослея, Святослав должен был все более отчетливо понимать, что у него нет никакой надежды сесть на киевский престол при жизни властной матери. До поры до времени противостояние матери и сына не выливалось в форму публичных скандалов. Но скоро дошло и до открытой размолвки.

Святослав сошелся с Ольгиной «рабыней» (служанкой) Малушей. Плодом их связи стал будущий креститель Руси – Владимир. Добром это не кончилось: Ольга прогневалась на Малушу и отослала ее в одно из княжеских сел. Гнев Ольги легко объясним: в это время она готовилась принять крещение из рук василевса Константина VII Багрянородного и прочила Святославу в жены византийскую принцессу. Подходящей по возрасту невестой была принцесса Феодора – почти ровесница Святослава. Конечно же, Ольге не могло понравиться, что ее сын, которому предназначен столь высокий жребий, путается с «рабыней». Святослав поко-

рился матери; судя по всему, он даже согласился принять в будущем крещение (без чего речи о сватовстве к дочери Константина Багрянородного вообще не могло быть), но то были последние его уступки.

Поездка Ольги в Константинополь обернулась полууспехом-полупоражением. Посредством личного крещения Ольга попыталась заставить Византию признать ключевую роль Русской земли в Северном Причерноморье и превратить киевского князя в главного союзника империи в этом регионе – союзника не только политического, но и, так сказать, цивилизационного. Но Константин, кажется, не был готов к этому. В его книге «Об управлении империей» чувствуется глубокое недоверие к «росам». Константин очень неприязненно и настороженно отзывается о них и явно предпочитает сближению с «Росией» укрепление союза с печенегами. Все его политические советы сыну сводятся к тому, как нейтрализовать «росов», а не каким образом на них опереться. Весьма вероятно, что подобные настроения императора были следствием походов Игоря на Константинополь.

По возвращении Ольги из Царьграда Святослав наотрез отказался креститься. Психологически его поведение вполне понятно. Разлучая сына с Малушей, Ольга наверняка выставляла в оправдание своего поступка уготованную ему великую судьбу – стать зятем василевса. И вот, вместо руки византийской принцессы – оскорбительный отказ. Жертва принесена напрасно. Оказывается, незачем было также изменять старым богам, ибо христианство, как выяснилось, вовсе не было ключом, который отпирает все двери. Поддавшись на уговоры матери, он все потерял и ничего не приобрел. Это был жестокий урок. А теперь его еще и понуждали принять религию надменных греков, его обидчиков. Поступить так означало и дальше жить матерним умом, и главное – материнской волей. И Святослав восстал.

Разумеется, в своем бунте он не был одинок. Среди дружинной «руси» было немало тех, кто относился к христианству враждебно или, по крайней мере, настороженно-неприязненно. Нововведения Ольги пришлись им не по нутру. В числе этих людей был и Свенгельд.

Языческая «русь» обступила Святослава, как свое знамя. Он чувствовал эту поддержку и искал ее. По сообщению «Повести временных лет», возмужавший князь стал набирать в свою дружину многих храбрых воинов. В этой компании над христианством смеялись и глумились. По словам той же летописи, Ольга часто говорила сыну: «Я Бога познала и радуюсь, если и ты познаешь, то тоже радоваться начнешь». Но Святослав только отмахивался: «Если крещусь, дружина моя надо мною смеяться начнет». Он и сам охотно высмеивал тех, кто хотел креститься и даже не старался сдерживать свои чувства перед Ольгой: «гневался на мать», по словам летописца.

В конце концов противостояние матери с сыном обернулось настоящим языческим восстанием. Отрывочные сведения о нем сохранились лишь в немногих летописях. Согласно этим сообщениям, Святослав перебил многих христиан в Киеве, но потерпел поражение и вместе с его сторонниками был изгнан Ольгой из столицы.

Для Святослава началась кочевая жизнь князя-изгоя, опоэтизированная летописцем в известном фрагменте «Повести временных лет»: «Ходил легко, как гепард, творя многие войны. В поход котлов не брал, но, нарезав конину, зверину или говядину, жарил на углях и ел; не имея шатра, спал с седлом в головах, как все воины». В этих походах неизменным спутником Святослава был Свенгельд.

Вместе они ходили на касогов, вятичей, хазар. Победа неизменно сопровождала их. Вершиной их военных успехов стало покорение Болгарского царства (968–969), предпринятое уже после смерти княгини Ольги, силами всей Русской земли.

Василевс Иоанн Цимисхий счел укрепление русского присутствия на Балканах крайне опасным для Ромейской империи. Он лично повел против Святослава большую армию; в то же время греческий флот из 300 кораблей вошел в дунайскую горловину, чтобы отрезать русам путь отступления.

Первый удар ромеев принял на себя Свенгельд, который заперся с несколькими тысячами воинов в болгарском стольном граде – Преславе. Византийский историк Лев Диакон называет его «Сфенкелом» («третьим по достоинству после Сфендослава (Святослава)»), а Иоанн Скилица – «Сфангелом» («вторым после Сфендослава»). Яростная оборона города закончилась почти поголовной гибелью русского гарнизона, окруженного в царском дворце. Но Свенгельд каким-то образом уцелел и ушел к Святославу в Доростол. Это была мощная крепость на берегу Дуная. Все попытки Иоанна Цимисхия овладеть ею натолкнулись на столь бешеное сопротивление русов, что василевс почел за лучшее заключить мир. После имени Святослава в русско-византийском договоре 971 г. стоит имя Свенгельда. Подписание мирного договора сопровождалось личной встречей Цимисхия со Святославом. Князь разговаривал с василевсом, сидя в ладье, как равный с равным.

Получив от Цимисхия заверения в дружеском расположении, Святослав в конце июля – начале августа 971 г. оставил Доростол и повел свое поредевшее войско на родину. У днепровских порогов русы обнаружили печенежскую орду, нанятую коварными ромеями, и были вынуждены прокладывать себе дорогу оружием. Поставленные в невыгодные условия, они не смогли отразить натиск степняков. Кровавое сражение закончилось истреблением почти всей дружины Святослава и гибелью самого князя. Свенгельду с немногими уцелевшими дружинниками удалось пробиться сквозь печенежский заслон и уйти в Киев. Дружинная честь предписывала воину пасть вместе с князем. Возможно, Свенгельд выполнял последнюю волю Святослава – выжить, чтобы принять под покровительство его малолетних детей.

По преданию, победителем Святослава был печенежский хан Куря, который сделал из черепа побежденного русского князя окованную золотом чашу с назидательной надписью: «чужих ища, своя погуби», то есть «искал (славы и добычи) в чужих землях, чем себя и погубил». Подобный обычай действительно был широко распространен в Великой степи. Согласно магическим представлениям, используя череп врага в качестве чаши, можно было не только зримо продемонстрировать свою победу, но и воспользоваться посмертно лучшими свойствами врага, его храбростью и удачей.

В ранней смерти Святослава древнерусские книжники усмотрели посланную свыше кару закоренелому язычнику. Святослав «приял казнь от Бога» за то, что не внял увещаниям Ольги принять крещение, ибо «если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Короткая жизнь Святослава и в самом деле как будто просится под некий общий знаменатель, именуемый исторической судьбой. Последний крупный деятель языческой Руси, воплотивший в себе ее воинственную ярость, он в своих победах и поражениях, в своей любви и ненависти был человеком прошлого, и история словно смахнула его со своего пути.

Свенгельд, придя в Киев, привычно принял под свое опекунство очередного великого князя. На этот раз им был наследник погибшего Святослава – малолетний Ярополк. Однако, оставшись без преданной дружины, Свенгельд уже не мог восстановить свое бывшее влияние. Согласно дальнейшему летописному тексту, он только подталкивает Ярополка к совершению тех или иных действий, но никак не диктует ему свою волю. О «послушании» ему молодого князя нет и речи. Вероятно, Свенгельд имел свой голос в княжьем совете, но и только.

Последний раз имя Свенгельда в летописи упоминается под 975 г. К тому времени он должен был переступить порог 60-летия. Престарелый воин и «делатель князей», потерявший единственного сына, воззвал к мести, и его исполненный ярости вопль вовлек Русскую землю в первую братоубийственную распрю, которая возвела на киевский стол самого «захудалого» из Святославичей – сына «рабыни», Владимира.

Рогволод

Полоцкий князь, отец Рогнеды.

Происхождение имени является дискуссионным.

Ученые норманнской школы выводят его от древнескандинавского Регнвальд/Рагнвальд (Ragnvaldr) – «сила Регнира» (Rôgnir – одно из прозвищ бога Одина). Одним из прототипов летописного Рогволода, по их мнению, мог быть норвежский конунг Регнвальд Достославный, правивший в Вестфольде. Правда, практически никаких сведений о нем не сохранилось, кроме того, что его славный род насчитывал тридцать колен.

Сторонники славянской этимологии указывают на то, что корневая основа «волод», давшая жизнь многим славянским именам, в том числе сложносоставным (Володарь, Всеволод, Владислав, Владимир и др.), имеет вполне ясную славянскую этимологию – «владеть», «обладать», «властвовать». Характерно, что в скандинавских сагах славянское имя Всеволод переименовано в «Виссавальд», но примеры обратного переделывания германского «вальд» в славянское «волод» неизвестны. Вместе с тем имена Рох, Роуг, Рохослав, Роховлад зафиксированы у западных и южных славян (чехов, сербов) еще в VIII в., то есть до начала «эпохи викингов» и, следовательно, не могут быть заимствованием из скандинавского именослова.

Суть «полоцкого дела» дошла до нас в следующем виде.

По сообщению «Повести временных лет», княжение в Полоцке держал пришедший «из заморья» князь Рогволод, а юный Владимир княжил в Новгороде. И был у него воевода Добрыня, храбрый и начальственный муж. Владимиру он приходился «уем», то есть дядей по матери – Малуше. Добрыня отправил послов к Рогволоду, прося выдать его дочь Рогнеду за Владимира. Однако к тому времени в Полоцке уже побывали киевские сваты князя Ярополка.

Озадаченный Рогволод предоставил выбирать жениха самой дочери, и та предпочла великого князя Ярослава «робичичу» (сыну рабыни) Владимиру. Владимир разгневался и «пожалился» о том Добрыне (ответ Рогнеды оскорблял не только «робичича» Владимира, но и его дядю, брата «рабыни» Малуши). Тот «исполнился ярости» и вместе с юным князем повел на Полоцк большое войско. Полоцк был взят, вся княжеская семья попала в руки Добрыни и Владимира. В поношение Рогволоду и его гордынке-дочери Добрыня «нарек» последнюю «робичицей» и «повелел Володимеру быти с нею пред отцем ея и матерью», то есть приказал племяннику изнасиловать Рогнеду на глазах у ее родителей, которые потом были убиты. Ипатьевская и Иоакимовская летописи добавляют, что вместе с Рогволодом были убиты два его сына.

Таково предание, причем достаточно древнее. Явственно просматривается его близость двум популярным фольклорным мотивам: «добывания невесты» и «укрощения строптивой невесты».

Как все это соотносится с историей?

Археологические раскопки Полоцка показали, что город сложился в IX—X вв. на основе местного племенного центра кривичей, расположенного в гуще сельских поселений. Существование у полочан княжеской власти подтверждается наличием крепостного детинца, к которому прилегал городской посад. Княжеская династия утвердилась в городе мирным путем, вероятно на началах избрания или приглашения – в пользу этого говорит тот факт, что снос общинного племенного центра, на месте которого возник княжий детинец, не носил характера военного разрушения. Но сама княжеская крепость Полоцка, как и повествует предание о Владимире и Рогнеде, во второй половине X века подверглась разгрому, ее культурный слой этого времени хранит отчетливые следы сильного пожара.

Таким образом, князь Рогволод, по-видимому, – лицо историческое, и сам факт его княжения в Полоцке не вызывал споров среди историков.

Как видно из древнерусского сказания, Полоцк пал жертвой соперничества Ярополковой и Владимировой родни. О Ярополковых послых сказано, что они «хотели вести Рогнеду» за своего князя. Влияние Добрыни на Владимира проступает еще более рельефно: именно он выступает инициатором сватовства, организует поход на Полоцк и приказывает Владимиру обесчестить Рогнеду. Политическая сторона дела при этом остается в тени, но, видимо, и Киев, и Новгород стремились войти в союзные отношения с Полоцком – важным стратегическим и торговым центром Западного Подвинья. Борясь за свое особое место в восточнославянском мире, Полоцк традиционно соперничал с Новгородом и претендовал на обладание всем верхним течением Западной Двины, а также на земли в верхнем Понеманье и Поднепровье. Взаимное отчуждение Полоцка и Новгорода было столь велико, что даже в середине XI в., по данным археологии, новгородско-полоцкое пограничье представляло собой обширную зону почти незаселенных лесов.

По сообщению Иоакимовской летописи, непосредственным следствием договоренности Киева и Полоцка о заключении династического брака была враждебная выходка Рогволода против Новгорода, которая и вызвала ответный поход Владимира на Полоцк: «Владимир, возвратясь от варягов с войском и собрав новгородцев, пошел на полоцкого князя Рохволда, потому что тот завоевал волости новгородские». Похоже, для Новгородской земли вопрос лояльности полоцких князей имел первостепенное значение, чем, по всей видимости, и объясняется болезненная реакция Владимира и Добрыни на отказ Рогнеды стать женой новгородского князя.

Полоцкая трагедия стала прелюдией к беспощадной схватке за первенство между тремя Святославичами.

Рогнеда

Дочь полоцкого князя Рогволода, первая жена князя Владимира в его языческих браках.

Имя Рогнеды, как и в случае с ее отцом, выводится исследователями из двух источников: древнескандинавского (германского) и славянского.

Сторонники первой версии считают имя «Рогнеда» славянизированной формой древнескандинавского женского имени Рагнхильд (Ragnhildr) – от *regin*, *rögn* (боги, высшие силы).

Существовал также его древнегерманский аналог – *Raginhilt* (*Ragenhildis*, *Reginhilt*), образованный от *ragin*, *regin* (совет, решение, закон, судьба, рок) и *hiltia*, *hilt*, *hild* (битва).

По мнению других исследователей, имя Рогнеды славянского происхождения и означает «рожденная для власти». В эпоху средневековья оно встречалось преимущественно в славянской среде, где имело форму Рогнедь/Рожнеть (у чехов – *Rozneta*, *Roznet*). Например, в Новгородской I летописи читаем: «В лето 6643. Заложил князь Всеволод (церковь) Святую Богородицу на Торгу, а Рожнеть (видимо, сестра или жена Всеволода) – Святаго Николу на Яковлевой улице». В этой же связи обращает на себя внимание Рожне поле неподалеку от Теребовля, фигурирующее в летописи под 1099 и 1144 гг.

К женским судьбам древнерусские летописцы проявляли полное равнодушие. Женщинам не было места в истории – таково было общераспространенное воззрение той эпохи. Княжеские жены и дочери даже зачастую остаются в летописи безымянными. Рогнеда в этом смысле представляет исключение, впрочем, отнюдь не счастливое. Судьба не проявила к ней ни капли милосердия, сделав жертвой непримиримого соперничества двух Святославичей – Ярополка и Владимира.

Властная и своенравная дочь полоцкого князя свято хранила в своем сердце родовую и владетельную гордость. Мысль о браке с простолюдином отметалась членами княжеских родов с порога. Рогнеда, отказывая Владимиру в своей руке, попрекнула жениха именно его происхождением от матери-ключницы: «Не хочу разуть робичича [сына рабыни]...».

Широкое бытование свадебного обряда разувания жениха на Руси надежно засвидетельствовано многими источниками. Интересно, что у германцев жених должен был одарить невесту обувью, то есть германский свадебный обычай делал упор на *обутие невесты*, тогда как древнерусский – на *разутие жениха*.

За свою гордость Рогнеда поплатилась сполна. Ее родной город был разрушен, отец, мать и братья убиты, сама же она, публично опозоренная, отправилась в языческий гарем своего насильника. После этих трагических событий у нее появилось второе имя – Горислава. Единственным ее утешением стал сын Изяслав, появившийся на свет уже в качестве законного сына Владимира.

Возможно, она бы и смирилась с ролью единственной «водимой» (законной) жены Владимира, великой княгини. Но, как рассказывает Лаврентьевская летопись, после того как Владимир, став киевским князем, «поял» многих иных жен (прежде всего, Ярополкову «грекиню», потом двух «чехинь», «болгарыню» и др.), Рогнеда «начала негодовати» на него. Однажды, когда муж ее уснул, она попыталась зарезать его спящего. Однако Владимир в последний миг проснулся и схватил занесенную над ним руку с ножом. Преступница стала молить о милости, но Владимир приказал ей готовиться к казни, которую решил свершить собственноручно: «и повелел ей облачиться в княжеские одежды... и сесть на постель в светлой комнате и ожидать, когда он, войдя, пронзит ее мечом...». Тогда Рогнеда подучила своего маленького сына Изяслава внезапно войти в комнату с обнаженным мечом в руке и напомнить отцу, что *он здесь не один*. Владимиру не хватило духу прикончить мать на глазах у сына – «и опустил меч свой;

и созвал бояр, и поведал им обо всем». Бояре посоветовали ему отослать Рогнеду и Изяслава с княжьего двора. Тогда Владимир распорядился воздвигнуть в Полоцкой земле город, названный Изяславль, и отправил туда Рогнеду с ее сыном.

Эта история целиком выдержана в духе славянских правовых представлений дохристианской эпохи. В Житии святого Адальберта-Войтеха есть схожий эпизод казни неверной жены одного из чешских бояр. Мужу ее надлежало самому исполнить приговор, как того требовал *more barbarico*, то есть «варварский» (в данном случае древнеславянский, языческий) обычай, кстати, просуществовавший в Чехии до XIV века. Таким образом, намереваясь покарать Рогнеду, Владимир лишь подчинился славянскому языческому обычаю.

Не исключено, что именно с этого момента в душе князя Владимира свершился тот нравственный переворот, который позднее приведет его к принятию христианства. Как явствует из летописного предания, неисполнение Владимиром смертного обряда над Рогнедой вынудило князя объясниться с боярами по этому поводу. Закон мести был свят в языческом обществе.

После крещения Владимир развелся со всеми своими языческими женами – это было необходимым условием его женитьбы на византийской принцессе Анне. Все они были также крещены и выданы за знатных бояр. Но Рогнеда и тут проявила волю, оставшись навек «соломенной» вдовой при живом муже.

Впоследствии народное предание сделало ее и Изяслава первыми просветителями Полоцкой земли. Поселившись после изгнания из Киева в Изяславле, они будто бы основали в его окрестностях монастырь, ставший рассадником христианства в земле полочан. Подавляющее большинство местных христианских могильников конца X – начала XI вв. действительно сосредоточено на юге, по берегам Свислочи (в районе Минска и Изяславля), тогда как севернее, в окрестностях Полоцка, Друцка, Витебска, всецело господствует языческая погребальная обрядность. Ожесточенное сопротивление полочан насаждению христианства засвидетельствовано также здешним сказанием о некоем безымянном богатыре, «который разрушил множество церквей». Возможно, полоцкие кривичи, тяжело переживавшие недавний разгром Владимиром их племенного княжения, длительное время расценивали попытки привить им христианскую веру как политику духовного порабощения, усугублявшую их зависимость от Киева.

Летописная традиция делает Рогнеду матерью еще троих сыновей Владимира – Мстислава, Ярослава и Всеволода. Однако эти сведения носят легендарный характер, а проверить их невозможно. Характерно, что полоцкие князья XI–XII вв. в обоснование своей наследственной и непримиримой вражды к потомству Ярослава («Ярославим внукам») настойчиво выделяли себя в отдельную генеалогическую ветвь великокняжеского рода («Рогволожичи») именно по женской линии, через Рогнеду, тем самым отрицая родство Изяслава и Ярослава по матери. Счет родства по материнской линии был одним из самых живучих пережитков матриархальных представлений в древней Руси. Только по летописи известны три знатных человека, носившие женские отчества: 1) Василько Маринич – сын княгини Марии Владимировны, внук Владимира Мономаха; 2) Олег Настасьич – сын князя Ярослава Галицкого и его любовницы Анастасии; 3) смоленский боярин Василий Настасьич (упом. под 1169 г.).

Выделение Рогволожичей в отдельную ветвь княжеского рода не означало, что полоцкие князья исключили себя из сферы общерусских интересов. Полоцк по-прежнему оставался причастен ко всем политическим, экономическим и культурным процессам, происходившим в Русской земле.

О кончине Рогнеды «Повесть временных лет» сообщает в краткой заметке под 1000 г.: «В се же лето преставися... Рогнедь». Согласно поздней Тверской летописи, перед смертью она приняла иночество с именем Анастасия. В 1866 г. в окрестностях деревни Черница был найден богато убранный склеп, который некоторые историки склонны считать местом захоронения Рогнеды.

Блуд

Воевода князя Ярополка, предавший своего господина.

Наличие в древнерусском именослове имени Блуд засвидетельствовано былинной о Хотене Блудовиче и названием Блудовой улицы в Новгороде. Судя по тому, что мать «Хоти-нушки Блудовича» носит в былинне прозвище «вдовы честно-Блудовой жены», имя Блуд не имело скабрёзного, отрицательного смыслового оттенка («развратный человек»), а состояло в связи с корнем «блуд» в значении «блуждать, странствовать».

Летопись называет Блуда воеводой Ярополка, наряду со Свенгельдом и еще при жизни последнего. По всей видимости, дело здесь вот в чем. Русские князья всегда чтили и держали при себе «отчих мужей», ближних дружинников умершего отца. Многочисленные примеры тому предоставляет летопись. В 1096 г. великий князь Святополк Изяславич предложил черниговскому князю Олегу Святославичу положить «поряд о Русской земле пред епископы и пред игумены и пред *мужси отец наших*». В 1182 г. у Владимира Всеволодовича был воевода Дорожай, «отцов слуга» и т. д.

Так и Свенгельд, этот «воевода отень», то есть отцовский (как он назван в статье под 971 г.), в продолжение своей долгой жизни переходил служить поочередно от Игоря к Святославу, от Святослава к Ярополку. Но у последнего был и собственный воевода – Блуд, которого, по всей видимости, приставили к несовершеннолетнему Ярополку при посажении его в 970 г. на киевский стол.

Все дальнейшие известия о Блуде относятся ко временам распри Святославичей (975—978), где ему отведена роль чуть ли не ключевого персонажа.

Успешное продвижение Владимира к Киеву заставило Ярополка затвориться в городе. Владимир встал лагерем под стенами «матери городов русских».

По всей видимости, в намерения Владимира, собиравшегося «восприять» киевский стол, не входило брать город приступом и причинять ему разрушения. Как можно видеть на многочисленных примерах, на Руси X—XI вв. противоборствующие князья захватывали собственно власть, а не город, вследствие чего столица не подвергалась разграблению. Победивший претендент вступал в Киев как законный правитель и вел себя соответствующим образом.

Между тем киевляне отнюдь не спешили менять одного князя на другого и твердо держали сторону Ярополка. Тогда Владимир посулил свою милость Блуду, и тот замыслил убить Ярополка. Однако хранивший верность великому князю киевский «полк» (ополчение рядовых горожан) служил Ярополку надежной защитой от любых покушений на его жизнь.

Чтобы оторвать Ярополка от сочувствовавшего ему окружения, Блуд якобы уговорил его бежать из Киева в город Родню, расположенный в устье реки Рось. Войско Владимира обложило его и там. По истечении какого-то времени в городе разразился страшный голод; «и есть поговорка и до сего дня: беда яко в Родне», добавляет летописец. Вот тут-то Блуд и посоветовал Ярополку сдаться на милость брата.

Конец Ярополка, после того как он послушался предательского совета Блуда и вернулся в Киев, описан в «Повести временных лет» следующим образом: «И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга пронзили его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк». Случилось это 11 июня 979 г.

Блуд, как передает пропавшая летопись, которой пользовался историк XVIII в. В. Н. Татищев, ненадолго пережил своего господина. Вначале обласканный Владимиром, он вскоре навлек на себя гнев князя и был казнен. При этом Владимир будто бы помянул опальному воеводе его недавнее предательство: «Я тебе по обещанию моему честь воздал, как приятелю, а сужу, как изменника государя своего».

«Повесть временных лет» ничего не сообщает о судьбе Блуда, но и не упоминает больше его имени.

Варяжко

Отрок (младший дружинник) и верный слуга великого князя Ярополка.

Некоторые летописи называют его княжеским «милостником». Однако это поздний термин, означающий держателей условных феодальных владений, предшественников дворян.

Имя Варяжко образовано от слова «варяг». Относится к «племенным» или «этническим» именам. Между прочим, косвенно оно свидетельствует о том, что варягов в княжеской дружине Ярополка буквально считали по пальцам, коль скоро для того, чтобы отличить их от других дружинников, достаточно было одного их «этнического» имени.

Сведения о Варяжко крайне скудны.

Известно, что когда Владимир осадил Ярополка в Киеве (или, по другой версии, в полулегендарной Родне), и воевода Блуд, вступив в тайный сговор с Владимиром, стал уговаривать Ярополка встретиться со своим братом, чтобы в личной беседе договориться об условиях мира, Варяжко предостерег своего господина от этого шага, уверяя, что на переговорах его ожидает гибель. Вместо этого он советовал Ярополку бежать к печенегам и вместе с ними идти на Владимира.

Но Ярополк не внял совету верного слуги. Варяжко стал бессильным свидетелем предательского убийства Ярополка, и ничем не смог помочь ему, так как Блуд не дал ему и другим членам Ярополковой свиты последовать за великим князем.

После смерти Ярополка Варяжко не смирился со случившимся и поклялся отомстить Владимиру. Он бежал к печенегам и, возможно, получил убежище у того самого хана Кури, который некогда подсел в днепровских порогах дружину князя Святослава. Мстя за своего господина, Варяжко неоднократно водил печенежские орды на Русь.

В конце концов между ним и Владимиром состоялось примирение. Вероятно, Варяжко увидел, что убийца его господина пользуется любовью и поддержкой киевлян. Владимир великодушно принял своего бывшего врага на службу, взяв с него клятву больше не мыслить зла.

Федор и Иоанн (варяги-мученики)

В церковной традиции, варяги Федор и его сын Иоанн – первые христианские мученики на Руси.

Дореволюционная (церковная) форма имени варяга-отца – Феодор. Восходит к древнегреческому Феодорос (Θεόδωρος) – «дарованный Богом», «Божий дар».

Свои имена варяги-мученики получили задним числом. Древнерусским памятникам XI—XIII вв. они неизвестны. Так, анонимное Слово на святую Четыредесятницу (вторая половина XI в.) называет их просто «мучениками Христовыми». В этой связи показательно, что на Руси не было храмов, поименованных в честь варягов-мучеников. Свои имена – Феодор (или Туры) и Иоанн, под которыми они поминаются ныне, – первые российские мученики получили уже в позднейшей церковной традиции, опиравшейся, по-видимому, на предания Киево-Печерской лавры.

Василевсы ромеев издавна привлекали «варваров» на военную службу. Почет, который давало покровительство могущественного господина, и хорошее жалованье, выплачиваемое звонкой монетой, чрезвычайно ценились в «варварских» обществах. Со второй половины IX в. в Константинополе появляются наемные отряды русов. Столетие спустя они уже считались традиционной и неотъемлемой частью византийской армии. Те из них, которые принимали христианство, зачислялись в императорскую гвардию. Трактат «О церемониях» Константина Багрянородного содержит описание приема в 946 г. тарсийских послов; охрана императора состояла тогда из «крещеных росов», вооруженных щитами и «своими мечами».

«Варяжский» корпус (корпус «варангов») появился в столице Ромейской державы значительно позднее – не ранее последней трети X в. Первоначально он состоял из выходцев с территории славянского Поморья (на севере современной Германии, в районе Мекленбурга и прилегающих к нему областей), на языке которых слово «варанг» (warang) означало «меч». Это зафиксировано польским филологом графом И. Потоцким, который в 1795 г. опубликовал в Гамбурге словарь еще сохранявшегося в XVIII в. древанского наречия (древане – славянское племя, на чьей земле возник Гамбург).

В Константинополе этот термин прижился не сразу – «варанги» еще отсутствуют в списке императорских наемников у Константина Багрянородного (905—959). Но звучное иностранное слово не осталось незамеченным. На рубеже X—XI вв. константинопольское простонародье сделало его нарицательным, как явствует из слов византийского писателя Иоанна Скилицы о том, что варанги «назывались так на простонародном языке».

Из сообщений средневековых авторов известно, что славяне и русы почитали меч в качестве священного предмета; в частности, на нем приносились клятвы. Поэтому известие Потоцкого дает право предполагать, что под варангами греки подразумевали меченосцев, давших клятву верности на мече, иначе говоря, славянских дружинников-телохранителей (отсюда славянское слово «варить» – оберегать, защищать). Чиновники императорской канцелярии лишь узаконили это словечко из местного «арго» в качестве официального термина государственных документов – хрисовулов (указов византийских василевсов). Варанги упоминаются в хрисовулах 60—80-х годов XI в., которые освобождали дома, поместья, монастыри, по просьбе их владельцев и настоятелей, от постоя наемных отрядов. Последние перечислены в следующем порядке: хрисовул 1060 г. указывает «варангов, рос, саракинов, франков»; хрисовул 1075 г. – «рос, варангов, кульпингов, франков, болгар или саракинов» и т. д.

Анализ источников показывает, что первое в средневековой литературе упоминание народа «варанков» и «моря Варанк» («Варяжского моря») принадлежит арабоязычному автору – среднеазиатскому ученому аль-Бируни («Канон об астрономии и звездах», 1030 г.), который

почерпнул свои сведения из Византии. На Руси слово «варяг» вошло в повседневный обиход не раньше второй половины XI века, то есть позднее, чем в Византии и даже на арабском Востоке. Это обстоятельство и обусловило терминологическую путаницу, породив пресловутый «варяжский вопрос», который, по удачному выражению кого-то из историков, сделался настоящим кошмаром начальной русской истории.

Скандинавы начали пополнять «варяжский корпус» в Константинополе начиная с первой четверти XI в. В «Саге о людях из Лаксдаля», записанной в XIII в. Снорри Стурлусоном, ведется рассказ о Болле Боллесоне, знаменитом у себя на родине, в Исландии, герое. Однажды он решил предпринять далекое путешествие. Сначала он побывал в Норвегии и Дании, где был с почетом принят тамошними конунгами и знатными людьми. «Когда Болле провел одну зиму в Дании, – говорится далее, – он решил отправиться в более отдаленные страны, и не прежде остановился в своем путешествии, чем прибыл в Миклигард [Константинополь]; он провел там короткое время, как вступил в общество вэрингов». Знаток скандинавской истории Снорри Стурлусон добавляет от себя: «У нас нет предания, чтобы кто-нибудь из норманнов служил у константинопольского императора прежде, чем Болле, сын Болле. Он провел там много зим и во всех опасностях являлся храбрейшим и всегда между первыми; подлинно, вэринги много ценили Болле, когда он жил в Константинополе».

Таким образом, в исландских преданиях Болле числился первым викингом, принятым в константинопольскую дружину вэрингов-варягов, существовавшую, как видно, задолго до его приезда в Константинополь. Болле Боллесон – реальное историческое лицо. Наиболее вероятная дата его прибытия в византийскую столицу – 1026 или 1027 гг.

Но, возможно, назвав Болле Боллесона первым вэрингом, Снорри ошибся. Сага о Вига-Стире повествует о вэрингах Гесте и Торстейне. Последний был сыном знатного исландца Стира, которого убил Гест. Начинается охота мстителя за убийцей: «Гест видел, что он не в состоянии держаться против происков Торстейна в Норвегии, и отправился на юг в Миклигард [Константинополь] и нанялся там служить с вэрингами; он рассчитывал там быть лучше скрытым». Однако Торстейн настиг его и там; впрочем, объединенные общей враждой к вэрингам, викинги помирились. Историки датируют эти события примерно 1011 г. Расхождение с рассказом Снорри о Болле Боллесоне в общем-то невелико, речь все равно идет о первой четверти XI в. Вместе с тем и здесь норманны решительно отделены от вэрингов.

Шведы упоминаются в числе константинопольских вэрингов, наряду с другими скандинавами, но опять же только в сагах, действие которых происходит не ранее первой трети XI столетия.

Со второй половины XI в. термин «варанг» в Византии стал уже чисто нарицательным, потеряв всякий этнический оттенок. Согласно византийским историкам, к этому времени имя варангов было перенесено на жителей Британских островов, преимущественно кельтов-бриттов, которые, спасаясь от религиозных преследований у себя на родине, массами устремлялись в Константинополь.

«Варяжские» наемники (всех национальностей), как правило, принимали в Константинополе христианство греческого образца (православие). Русы, а потом и варанги имели в византийской столице особую церковь, которая называлась Варяжской Богородицей и была расположена при западном фасаде храма Святой Софии. Найдены свидетельства, что она принадлежала Константинопольскому патриархату.

Все это помогает подвести историческую основу под известия древнерусских источниках о Федоре, согласно которым, он долгое время

служил в Византии, где принял крещение, а затем вместе с сыном переехал жить в Киев. Как видим, «докиевская» часть его биографии вполне соответствует историческим реалиям.

История о варягах-мучениках помещена в «Повести временных лет» под 983 г., хотя, вероятно, когда-то она была частью сказания о борьбе Владимира с Ярополком.

По возвращении Владимира из похода на ятвягов, рассказывает летопись, киевляне собрались на вече, и сказали старцы и бояре:

– Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам.

Жребий, брошенный языческими жрецами, пал на Иоанна, сына Федора, юношу прекрасного телом и душою.

Посланники от киевлян пришли на двор к варягу и сказали:

– Жребий пал на твоего сына, выдай его, и мы принесем его в жертву богам.

Варяг отвечал:

– Ваши боги – идолы, вырезанные из дерева человеческими руками, нынче они есть, а завтра сгниют. А истинный Бог – один, который сотворил небо и землю, звезды, луну, солнце и человека. Не дам сына своего бесам.

Послы поведали обо всем киевлянам. Тогда горожане вооружились и силой вломились на двор к варягу, который вышел им навстречу в сени вместе со своим сыном. Толпа потребовала выдать сына.

– Если ваши идолы – действительно боги, то пусть пошлют одного и возьмут моего сына, – насмешливо ответил варяг. – А вы зачем хлопочете за них?

Обозленные киевляне подрубили сени, на которых стояли отец с сыном, и тяжелые бревна, обрушившись, придавили обоих.

Надо заметить, что богословский спор варяга с киевлянами состоит из общих мест, взятых из современной летописцу антиязыческой церковной литературы. Например, в более позднем летописным рассказе об «испытании вер» (под 986 г.) богословские аргументы «варяга» вложены в уста пришедших к Владимиру папских послов: «вера наша — как свет, кланяемся Богу, который сотворил небо и землю, звезды и месяц, и всякое дыхание, а ваши боги есть древо».

К тому же летописный рассказ противоречит широко известному гостеприимству русов, о котором с большой похвалой отзывались средневековые арабские писатели, и не только они. Вот, например, свидетельство Ибн Русте: «Гостям [русы] оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо. Они не позволяют никому из своей среды грабить и обижать таких пришельцев; если кто-нибудь из пришельцев жалуется им на причиненный вред или обиду, они оказывают ему помощь и защищают его». Но ведь киевские варяги – отец и сын – именно и были такими пришельцами, нашедшимися под защитой *закона русского*.

Здесь следует обратиться к показанию немецкого хрониста XII в. Гельмольда о человеческих жертвоприношениях главному божеству славянского Поморья Святовиту. Святилище его находилось на острове Рюген, и местные жители (славяне-руги, или ране) «в знак особого уважения... имели обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека – христианина, какого укажет жребий». Эти христиане, приносимые в жертву Святовиту, были захваченными на войне пленниками. О других поморских славянах Гельмольд пишет, что те «приносят богам своим жертвы волами, и овцами, а многие и людьми-христианами, кровь которых, как уверяют они, доставляет особенное наслаждение их богам». Это единственная аналогия обычаю, о котором ведет речь «Повесть временных лет».

Таким образом, вполне вероятно, что сказание о варягах-мучениках первоначально венчало повесть о захвате Киева Владимировыми «варягами». Только они и могли обращаться с захваченным городом и его жителями, как со своей законной добычей: «Это – наш город, мы его захватили...». Среди того «зла», которое, согласно летописи, пришедшие с Владимиром наемники сотворили киевлянам, было, вероятно, и требование почтить «варяжских» богов христианской кровью, как это было в обычае у них на родине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.